

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ВЕЧЕР В ГОРОДЕ
СОБЛАЗНОВ

У МСТИ НЕТ СРОКА ДАВНОСТИ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Вечер в городе соблазнов

«ЭКСМО»

2009

Леонтьев А. В.

Вечер в городе соблазнов / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2009

Известная топ-модель Арина Винокурофф собиралась завершить карьеру и выйти замуж, но ее любовник – русский олигарх Максюта – был убит во время их свидания на яхте. В преступлении обвинили Арину, ведь ее нашли с ножом в руке. Она невиновна, но подтвердить это некому... Ей на помощь неожиданно пришли дочь Максюты Таечка и частный детектив, нанятый олигархом незадолго до гибели, – оказывается, он получал письма с угрозами. Кто-то обещал покарать Максюту за то, что он сделал тридцать лет назад, как и остальных членов «Староникольского союза». Но что это за союз и какая неприглядная тайна объединяет его членов?

© Леонтьев А. В., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Арина	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Вечер в городе соблазнов

Серийный убийца – так окрестят его ищущие дешевых сенсаций журналисты. И окажутся сто раз правы. То, что он замыслил, было жестоким и кровавым преступлением. Его жертвами должны стать пять человек. Всем им надлежит умереть.

Он взглянул на фотографии, висевшие на стене. Лицо каждой из жертв давно отпечталось у него в мозгу, он знал наизусть всю их подноготную, ему были известны их маленькие и большие гнусные тайны. Еще бы, ведь он потратил столько времени на то, чтобы разработать план.

Комната, в которой он находился, походила на мастерскую. Это его бункер. Бункер смерти. Да, он серийный убийца, ну и что из того? В отличие от маньяков он убивает не для того, чтобы получить наслаждение. Все его убийства имеют высшую цель. И каждая из пяти жертв знает, почему ей или ему надлежит умереть.

О, в его планы отнюдь не входило корчить из себя Всевышнего. Он не сумасшедший, не чокнутый сладострастец, который поджидает за углом одинокого путника и кидается на него с ножом. Он бы отдал полжизни за то, чтобы ему не пришлось приводить в исполнение свой план. Но другого выхода не было. Остается одно – стать убийцей!

Он поднялся из-за стола, прошелся по комнате, собираясь с мыслями. И так, все готово. Он так давно мечтал об этом. Бессонными, долгими ночами лежал на жесткой кровати, пялясь в потолок, и думал о том, что все могло быть иначе. Да, его жизнь потекла бы совершенно по-другому, если бы тогда, много лет назад...

Пришлось оборвать поток воспоминаний. Какой смысл имеет сейчас рассуждать о том, что могло бы быть? Он ведь знает, что повернуть время вспять нельзя. А жаль, очень жаль.

Он взял с полки фотоальбом в переплете из черной кожи, несколько полинялом, покрытом пятнами. Раскрыл его – и погрузился в совершенно иной мир. Ему бы так хотелось остаться в этой параллельной вселенной навсегда...

Когда план будет приведен в исполнение, то все станет иначе. Он надеялся, что будет именно так. Но знал, что может ошибаться. И все же стоит рискнуть. Конечно же, стоит!

В чемоданчике, который лежал на старом, продавленном диване, находились бумаги и вещи. Да, все подготовлено, но потребовались невероятные усилия, время и деньги. Да, деньги, которые сыграли важную роль. Он еще раз взглянул на фотографии жертв – богатых, довольных жизнью и знаменитых, похитивших у него то, на что он имеет полное право. И за это им придется заплатить.

Он мельком взглянул на себя в зеркало. Нет, на его след никто и никогда не выйдет. Он очень хорошо замел следы. Даже если кто-то и докопается до той старой истории, все равно вычислить его будет невозможно. Эта мысль его успокаивала, грела душу и давала силы. Значит, так тому и быть.

Да, он готов! Он положил в чемодан фотоальбом, закрыл крышку и улыбнулся – впервые за долгое время. Убийства он рассматривал как необходимое зло, как акт возмездия, как героический поступок. И был уверен, что все пройдет в полном соответствии с его планом. Жертвы будут напуганы, они попытаются скрыться, но от судьбы не уйдешь. Потому что он взял на себя ее функции!

Он подошел к столу, взял красный фломастер и перечеркнул первую фотографию, прищипленную к обоям. На ней был запечатлен уверенный в себе, улыбающийся тип в дорогом костюме. Так называемый олигарх, один из тех, кто обладает огромным состоянием и считает себя королем жизни. Придется доказать этому субъекту, что он так же смертен, как и прочие люди.

Виктор Геннадьевич Максютя. Да, именно ему суждено стать первой жертвой. Затруднение лишь в том, что миллиардер предпочитает проводить время вне пределов России. Однако и это поправимо. Олигарх никуда от него не денется. Никуда!

Он перечеркнул лицо Максюты фломастером. Охота начинается.

Арина

– Признаете ли вы себя виновной в убийстве месье Виктора Максюты? – спросил судья, взирая на меня поверх очков. Ударение в имени Виктор он поставил на второй слог, на французский манер.

Стандартный вопрос, предусмотренный регламентом. И ответ последовал незамедлительно, также предусмотренный регламентом. Мне даже не пришлось раскрывать рот, ибо мой адвокат заявил:

– Ваша честь, моя клиентка невиновна!

Прокурор, вернее прокурорша, невысокая рыжеволосая юркая дамочка, холодно усмехнулась и провозгласила:

– Ваша честь, обвинение ходатайствует о заключении обвиняемой под стражу вплоть до начала процесса. Обвиняемая является российской гражданкой, поэтому велика вероятность того, что она, оставшись на свободе, предпримет попытку сбежать.

Мой адвокат громко рассмеялся, за что был удостоен укоризненного взгляда судьи, и возразил:

– Ваша честь, это в самом деле смешно! Мадам прокурор не хуже меня знает, кто такая мадемуазель Винокурова. Однако если мадам прокурор все же забыла, то позволю себе ей напомнить!

Адвокат извлек из кейса и бросил на полированный стол пачку глянцевого журналов. Взяв несколько из них, поднял их в воздух и, потрясая оными, словно оружием, сказал:

– Ваша честь, как вы сами можете убедиться, на обложках всех этих изданий изображена одна и та же персона – моя подзащитная, мадемуазель Арина Винокурова. Она – одна из наиболее высокооплачиваемых фотомоделей в мире, ее фотографии украшают известнейшие издания. Да и в нашем княжестве, как отлично известно мадам прокурору, на каждом углу можно натолкнуться на огромный постер с изображением моей подзащитной, которая является лицом крупнейшего в мире косметического концерна...

Хм, что правда, то правда. Я уже давно привыкла, что натыкаюсь на свои изображения во всех странах мира, в самых неожиданных местах. Когда-то меня это смущало, затем бесило, потом я просто смирилась.

– И что вы хотите сказать, месье адвокат? – спросила надменно прокурорша. – Нам всем и так известно, кем является мадемуазель Винокурова. Она, как вы сами отметили, получает миллионы, что означает: у нее имеется возможность скрыться из страны в неизвестном направлении!

Но сбить с панталыку моего адвоката было не так-то просто. Еще бы, он – настоящая бестия! – считается одним из лучших в своей области, точно так же, как я в своей. Правда, и дерет адвокат тоже будь здоров.

– Нет, Ваша честь, совсем наоборот! – провозгласил он. – Моя клиентка известна всему миру, ее изображение можно найти в любой стране, что означает: мадемуазель Винокуровой бессмысленно скрываться, потому что ее тотчас обнаружат! Побег для нее не является выходом, потому что подобный поступок не имеет смысла. С таким же успехом может, к примеру, сбежать ее величество английская королева – самое позднее через полчаса ее обнаружат и доложат о местонахождении в полицию.

Судья еле заметно усмехнулся, и я поняла, что аргументы моего защитника возымели успех. Но все же прокурорша встряла, заявив:

– Ваша честь, оставлять обвиняемую на свободе чрезвычайно опасно! Ведь ей инкриминируется жестокое преступление, убийство...

Адвокат и прокурорша сцепились в словесной схватке, а я возвела глаза к потолку и, следуя совету своего защитника, изо всех сил изображала из себя невинность. Этакая Жанна д'Арк, которую злодеи хотят отправить на костер. На самом же деле я пыталась просчитать в уме все минусы и плюсы данной истории.

Итак, меня арестовали по обвинению в убийстве моего любовника Вити, вернее Виктора Геннадьевича Максюты, так называемого олигарха, многократного миллиардера, занимающего (теперь уже занимавшего) почетное место в первой трети списка самых богатых людей планеты.

Что тут может быть хорошего? – спросите вы. Да уж, действительно ничегошеньки. Я хотела было заявить судье, что в данный момент у меня не было резона убивать Витю – он не так давно развелся со своей последней женой и вообще-то собирался снова вступить в брак. Но не со мной. Так какой мне смысл было его укокошивать? Вот если бы Витя женился на мне, составил завещание в мою пользу, тогда еще можно было поразмыслить на досуге о том, как избавиться от супербогатого мужа и прибрать к рукам его состояние. Но в данный момент, на положении его тайной любовницы, у меня просто-напросто не имелось причин убивать Витю!

Защитник предупредил меня, чтобы я во время определения меры пресечения держала язык за зубами и не совалась со своими философскими замечаниями, ибо судья может не так понять мои размышления. Наверное, он прав. Ведь судьи, как я давно усвоила, делятся на две категории: одни знают, что ничего не знают, но считают себя пупом земли, а другие думают, что знают все, и тоже считают себя центром вселенной. И попробуй потом докажи такому остолопу, что ты попыталась развить перед ним имагинарный силлогизм, – судья еще решит, будто ты созналась в убийстве!

Поэтому приходилось играть роль Жанны д'Арк и пялиться в потолок. Потолок был деревянный, и смотреть там было не на что, поэтому мой взгляд плавно переместился в окно. Ах, Ривьера в мае, что может быть лучше!

Итак, о плюсах и минусах ситуации. Не исключаю, что косметический концерт, лицом которого я все еще являюсь, бессрочно расторгнет со мной контракт. Им не нужна супермодель, которую подозревают в убийстве любовника. Даже если меня оправдают, все равно имидж окажется потраченным молю. Ох, сколько же денег из-за этого я потеряю! Что лишний раз доказывает: Витю я не убивала.

Но и плюсы, похоже, тоже имеются. Всегда можно написать потом книгу. Или дать интервью. А что, бульварная пресса из кожи вон вылезет, лишь бы заполучить мои откровения. Если повести правильную политику, то скандал пойдет мне на пользу. Мое реноме давно следовало бы подпортить, а то топ-модель и без скандала – куда ж такое годится! Наркотики я (в отличие от Кейт Мосс) не нюхаю, служанок и работников авиакомпаний (в отличие от Наоми Кемпбелл) не поколачиваю, косноязычием (в отличие от Клаудии Шиффер) не страдаю. Прямотаки вторая Хайди Клум: пресно, скучно и безлико. А народу всегда требуются скандальчики, а еще лучше – скандалище!

Одним словом, попытаемся извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Стоп! А что будет, если меня признают виновной? Об этом я как-то не подумала. Но ведь я точно знаю, что Витю не убивала. Хотя воспоминания о том вечере и той роковой ночи в памяти моей весьма нечеткие. Мы хорошенько выпили, потом я отрубилась, а когда пришла в себя, кругом уже было полным-полно полицейских. Мы в спальне, в руках у меня нож, и на кровати лежит холодный труп Вити с перерезанным горлом. Господи, вот ведь страсти-мордасти! И всюду мои отпечатки! Так что неудивительно, отчего меня тотчас арестовали.

Судья положил конец прениям сторон ударом деревянного молоточка.

– Мадам прокурор, месье адвокат, прошу вас не превращать заседание суда в турецкий базар, – заявил он с достоинством, и я поняла, что судья принадлежит к категории номер два. Еще бы, далеко не всегда выпадает удача участвовать в таком шумном деле, вот и хочет получить свою порцию славы и денег. – Вне всяких сомнений, преступление, в совершении кото-

рого обвиняется мадемуазель Винокурова, чрезвычайно серьезное, – произнес судья весомо. – Убийство, да еще такое жестокое!

Да еще такого богатого типа, язвительно добавила я про себя. Конечно, убийство субъекта, который в течение всего нескольких лет нажил многомиллиардное состояние, непременно вызовет общественный резонанс. Особенно когда в подозреваемых числится такая красивая и известная дамочка, как я. Вите принадлежали какие-то заводы и акции, банки и строительные компании, авиалинии и ювелирные салоны. И к тому же он являлся владельцем единственного в Великом княжестве Бертранском футбольного клуба (основанного аж в 1904 году). Бертран – это то самое местечко, где меня сейчас судят. Французская Ривьера, Лазурный Берег, средиземноморское Эльдorado, зажатое между Ниццей и Монако. Место отдыха супербогатых и тех, кто желает казаться таковыми.

Витя был помешан на футболе, причем с детства, насколько я могла судить. Он щедро спонсировал одну из команд в России, а потом решил инвестировать и зарубежную. Ему не хотелось покупать известный футбольный клуб, Максютя решил пойти другим путем – стать владельцем захудалого спортивного общества, которое благодаря его миллиардам и честлюбию в течение нескольких лет делается новым чемпионом Европы, а затем и мира. Таков был Витя – он не боялся трудностей и жаждал не просто известности, а славы. И использовал для достижения цели любые способы.

Вот он и остановил свой выбор на футбольном клубе Бертрана. Купить его можно было по дешевке, потому что даже такой далекой от спорта особе, как я, понятно – в действительности команда представляла собой сборище дилетантов. Витя намеревался полностью поменять состав, купить именитых игроков и сотворить футбольное чудо.

Вот почему смерть Вити вызвала такой шум в княжестве, а заодно и во всем мире. Клуб он купил около года назад, уже успел вкачать в него, по непроверенным слухам, не менее ста пятидесяти миллионов, только что были заключены долгосрочные контракты с несколькими футбольными звездами из Бразилии, Германии и Италии. Да и тренера он нанял тоже не самого хилого, а того, кто работал раньше на другого увлекающегося футболом русского олигарха. Футбольный клуб Бертрана стоял на пороге радикальных перемен, вступал в новую эру, мессией которой был Виктор Максютя...

И на тебе – Вите перерезали горло. Что теперь будет с клубом, никто, конечно же, не знает. Наследники, вероятно, похерят дерзновенную затею миллиардера, и перевоплощение команды так и останется мечтой.

Хуже всего – и в первую очередь для меня – тот факт, что Витя получил бертранское подданство. Причем указ о присвоении ему звания почетного гражданина подписал не кто иной, как сам великий князь Клод-Ноэль Гримбург. Еще бы, ведь покупка футбольного клуба и попытка превратить его в один из ведущих в мире стали бесплатной рекламой для княжества, и рекламой исключительно положительной. Обычно реклама Бертрана носит отрицательный заряд – то княжество обвиняли в том, что оно укрывает на своей территории не платящих налоги нуворишей, то шептались о каких-то сомнительных сделках, проводившихся на его территории, то смаковали скандал, в который оказался замешан великий князь, – мол, он, уже много лет вдовец (после трагической гибели в авиакатастрофе своей очаровательной супруги Клементины), время от времени позволяет себе эротические эскапады якобы с представителями не противоположного пола, а своего собственного.

И вот новая напасть – зарезали русского олигарха в звании почетного гражданина Бертрана, кавалера высшей награды княжества – ордена Святого Иоанна! Миллиардер убит на собственной яхте, причем все улики указывают на то, что сделала это его любовница-манекенщица, то есть я, обнаруженная полностью обнаженной с окровавленным кинжалом в руке около хладного труп...

– Однако мы не имеем права забывать, что на кону стоит больше, нежели только расследование преступления века, – продолжил судья.

Ну, и он туда же! Насколько я понимаю, преступление века можно определить исключительно тогда, когда век закончится и когда все преступления можно будет сравнить, выбрав наиболее кошмарное и сенсационное. Но новый век ведь только начался! Не закончилось еще и первое его десятилетие, а все, в том числе и судья, твердят о «преступлении века».

– На кону стоит репутация нашего любимого княжества! – патетически заявил судья и поправил очки в роговой оправе (вообще-то подобные офтальмологические монстры вышли из моды еще лет сорок назад, но судье, видимо, нравится сей аксессуар как придающий ему солидность и степенность). – Поэтому суду надлежит наитщательнейшим образом разобраться в хитросплетениях данного преступления и отыскать виновных!

Судья сделал долгую паузу и вперил в меня, обвиняемую, взгляд василиска. Я слабо улыбнулась «Вашей чести», старательно изображая из себя жертву роковых обстоятельств. В зале находились журналисты, шелестевшие блокнотами, и художники, скрипевшие карандашами. Наверняка судья дает им время, чтобы запечатлеть свою почтенную физиономию, – отчеты о заседании не позднее сегодняшнего вечера появятся в желтой прессе.

– Заявление мадам прокурора о том, что обвиняемая может скрыться, заслуживает внимания... – добавил наконец судья, и сердце мое оборвалось. – Но...

Вот оно, любимое мое слово! И что же «но»?

– Но надо принять во внимание и то обстоятельство, что, как справедливо отметил месье адвокат, обвиняемой не имеет смысла скрываться, потому как она будет легко задержана, а побег полностью дискредитирует ее, – завершил свою глубокомысленную сентенцию судья и снова замолчал.

Через несколько секунд, глубоко вздохнув, он постановил:

– Поэтому выношу следующее решение – обвиняемая отпускается под залог двух миллионов евро. Настоящее заседание считается закрытым!

Удар деревянного молоточка оповестил нас о том, что заседание закончено. Я едва сдержалась, чтобы не показать язык прокурорше, и стала принимать поздравления от своего адвоката.

* * *

Мы покинули здание суда через центральный вход, и это была уловка моего защитника, ибо на ступенях нас ждали репортеры. Я приняла эффектную позу, откинула назад волосы и, позируя с очаровательной улыбкой, позволила шелкать себя в различных ракурсах. Адвокат застрекотал, плавно переходя с французского на английский (здание суда окружили не только местные, но и зарубежные папарацци), сыпал юридическими терминами, ссылками на законы, постановления, прецеденты. Я же нежилась под майским солнышком и позволяла увековечивать себя на ступеньках здания суда.

Так толком и не ответив ни на один из вопросов журналистов, мы спустились к ожидавшему нас черному «Майбаху» с тонированными стеклами: мой менеджер позаботился о средстве передвижения. Журналисты прилипли к окнам автомобиля, продолжая шелкать фотоаппаратами и стрекотать камерами. Я почувствовала себя исследователем морских глубин, на батискафе спускающимся в Марианский желоб, – металлический «гроб» окружают диковинные и враждебно настроенные твари, готовые разорвать тебя в клочья.

Машина на предельно низкой скорости двинулась вперед. Мой адвокат нажал на кнопку, и с легким жужжанием поднялась перегородка, отгородившая нас от шофера.

– Ну что же, все прошло просто отлично, – за-явил мой защитник и раскрыл бар. – Хотите немного коньяку?

Я отказалась и, наблюдая за тем, как адвокат наслаждается спиртным, спросила:

– И что будет дальше?

– Дальше будет суд, Арина, – ответил небрежно законник. – О, я превращу его в настоящее шоу! Не беспокойтесь, вас оправдают. Стопроцентную гарантию дать, конечно, не могу, но все же, все же...

Гм, а кто мне тогда даст стопроцентную гарантию? Адвокату-то хорошо: признают меня виновной или нет, он все равно пришлет счет с пятью нулями. Бертран – либеральная страна, но против меня сейчас здесь многие ополчились. Еще бы, я, по общему мнению, убила олигарха, желавшего подарить крошечной стране, площадь которой недотягивает до десяти квадратных километров, футбольное чудо! А бертранцы, как известно, сходят с ума по футболу, хотя сами в него играть толком не умеют. Судить меня будут присяжные, набираемые из местных жителей. А значит, непредвзятости ожидать не следует. Одна надежда на моего велеречивого защитника.

Я вырвала у адвоката бокал с коньяком и заявила:

– Давайте обсудим стратегию защиты! Что вы намерены делать?

– О, имеется несколько возможностей, – уклончиво ответил адвокат. – Проще всего была бы, разумеется, явка с повинной. В таком случае можно было бы напирать на временную недееспособность или, к примеру, предать огласке извращенные сексуальные пристрастия убитого или его склонность к рукоприкладству...

Я онемело уставилась на моего защитника. Да, хорош гусь! Прямо хоть в духовке с яблоками запекай! Вместо того чтобы доказывать мою невиновность, он подбивает меня на публичное покаяние.

– Я не убивала Виктора! – сквозь зубы процедила я. – И разве вам, адвокатам, не все равно, виновен ваш клиент или нет? По-моему, главное – любыми способами убедить в его невиновности присяжных!

Адвокат, к тому времени уже завладевший другим бокалом, и снова с коньяком, произнес:

– Арина, буду откровенен: я могу, следуя вашему желанию, попытаться строить защиту на том, что вы не убивали месье Максюту...

– Я не убивала его! – выкрикнула я.

Больше всего мне хотелось сейчас вцепиться законнику по щеке. Но ежели я уступлю своим желаниям, кто будет меня тогда защищать? Он ведь наверняка оскорбится и сложит с себя полномочия.

– Я вам верю, – тоном воспитательницы, беседующей с ребенком-дебилем, заговорил адвокат, – но для нас важнее всего, чтобы поверили присяжные. А с учетом ситуации это будет сложно сделать. Давайте перечислим факты. Вы в течение последних пяти месяцев были любовницей убитого олигарха. Вы тайно встречались с ним, в том числе и на яхте «Полярная звезда». В ночь убийства вы отправились с ним на яхту, где предались оргии...

– Да, все так, черт побери! – не удержалась я от восклицания. – И что с того?

«Майбах» тем временем достиг отеля «Фонтен-бло», который находится на искусственной косе, вдающейся в море. Там я проживала до своего ареста. Прошло всего два дня, а кажется, что миновала вечность!

Адвокат монотонно продолжил:

– Вас обнаружила прислуга убитого, прибывшая ранним утром на яхту, дабы навести порядок. Точнее, не только вас, а в первую очередь мертвого хозяина. Кто-то перерезал ему горло – от уха до уха. Причем сделано это было при помощи ножа, который вы сжимали в руке. Яхтой управлял сам Максюта, больше никого на борту не было, как вы сами подтвердили...

– Я же не осматривала всю яхту, может быть, там кто-то притаился! – снова прервала его я. – На яхте масса помещений!

Адвокат вздохнул.

– Конечно, мы можем исходить из того, что туда проник таинственный убийца. Но... такая версия выглядит, пардон, притянутой за уши. Я могу себе представить, что у Виктора Максюты были враги, причем даже желавшие его смерти. Однако им было бы намного проще и безопаснее устранить противника при помощи столь распространенного в России заказного убийства. И насколько я в курсе, киллеры практически всегда используют огнестрельное оружие, гораздо реже – бомбы или яды. Но не кинжалы!

– Враги хотели создать видимость преступления на почве страсти, – заявила я, – поэтому они и подставили меня! И... и... и...

Более мне в голову ничего не лезло. Да, моя версия звучала нелепо, странно и глупо. Неужели я и правда до такой степени напилась, что прирезала Витю и ничего не помню о произошедшем? Этот вопрос за последние два дня я задавала себе миллион раз, не меньше. И каждый раз ответ был один и тот же: «Нет, невозможно. Я же не страдаю раздвоением сознания или расщеплением личности. Да и не пила я много, потому что вообще много не пью. От силы два бокала шампанского. И все, больше в памяти нет ничего. Мы с Витей еще не успели перейти к тому, что адвокат именуется оргией, как все закончилось. А потом я пробудилась от того, что кто-то грубо тряс меня за плечо. И тем самым кем-то был полицейский».

– И ваша, и моя задача – выиграть процесс, – назидательно произнес адвокат. – Если вы говорите, что невиновны, я обязан верить вам. Собственно, правда меня не интересует, потому что главное – склонить присяжных к принятию нужного нам решения. Но в данном конкретном случае убедить их будет очень нелегко. Так что необходимо хорошенько подумать о том, на какой версии остановиться. При неблагоприятном для нас исходе, то есть в случае вынесения обвинительного приговора, вам грозит пожизненное заключение. – И адвокат указал на возвышающуюся в бухте на черной одинокой скале тюрьму «Святая Берта». – А вот если упираться на то, что Максюта унижал, бил, истязал вас и даже склонял против вашей воли к сексу, то можно отделаться несколькими годами заключения. Есть другой вариант: нанять команду психиатров, которые подтвердят вашу невменяемость. В таком случае тюрьма вам вообще не грозит.

– И вместо этого я отправлюсь в психушку? – вырвалось у меня. – Нет уж, покорнейше благодарю! Я не убивала Виктора. И не хочу признаваться в том преступлении, которое не совершала.

Но все же меня грызла мысль – а что, если адвокат прав и своей несговорчивостью я подпишу себе если не смертный приговор (гильотинировать, по французскому обычаю, в Бертроне перестали после Второй мировой), то обреку себя на жалкое существование до конца жизни в тюремной камере? Впрочем, по истечении пятнадцати лет можно подать прошение о помиловании, которое, не исключено, будет удовлетворено, и я в возрасте сорока пяти лет покину застенки. Небольшое утешение!

Сейчас мне всего (уже?) тридцать. Если останусь на свободе, то смогу наслаждаться жизнью и до сорока лет еще вышагивать по подиуму, работать лицом того или иного косметического концерна или Дома моды. Но кому я буду нужна после пятнадцати лет в тюрьме? К тому же с клеймом осужденной убийцы...

– У вас, Арина, имеется время, чтобы поразмыслить обо всем, взвесить «за» и «против», принять оптимальное решение, – заметил напоследок адвокат и вылез из автомобиля, дверцу которого распахнул услужливый шофер.

Не замечая поданной законником руки, я шагнула на тротуар и двинулась к входу в отель.

Взгляды – жадные, пугливые, полные ненависти – пронзали меня. Еще бы, ведь журналисты пронюхали, где я остановилась, поэтому заняли пост перед отелем. В холл их, слава богу, не пустили, но зато там имелись любопытные постояльцы и внешне почтительная, а в действительности презрительная прислуга. И – слухи, слухи, слухи. Навстречу мне выкатился

директор отеля. Наверняка только для того, чтобы лицезреть «ту самую» топ-модель, убийцу бертранского футбольного императора.

– Мадемуазель Винокурофф, как мы рады снова видеть вас! – расплылся он в чрезвычайно фальшивой улыбке. Было видно, что директора так и подмывает спросить меня о том, как все прошло в суде, однако не мог же он допрашивать одну из своих постоялиц. – Имеются ли у вас особые пожелания?

О, конечно же, у меня были особые пожелания! Например, никогда более в жизни не видеть его лощеную рожу с наглой ухмылкой. Мне очень хотелось сказать что-то подобное, однако я, вздохнув, коротко ответила:

– Мне хочется отдохнуть, поэтому прошу не беспокоить меня.

– Да, да, мадемуазель Винокурофф, будет исполнено! – подобострастно откликнулся директор.

Ему не оставалось ничего другого, как ретироваться. Я же направилась к лифту, заметив, что две пожилые пары, раздетые в меха – несмотря на май месяц! – попятились при виде меня и осторожно переползли к другому лифту. «Они элементарно боятся оказаться со мной в одной кабине!» – злорадно подумала я. Скоро со мной будут обращаться, как с прокаженной. А, собственно, чего я ожидала? И как бы я повела себя на месте этих людишек?

Я вошла в кабину и нажала кнопку последнего этажа – там располагались самые дорогие номера. По пути вверх кабина затормозила, двери раскрылись, и я увидела мадам и месье из соседнего с моим номера. Он – с седой бородкой, в смокинге; она – в эксклюзивном платье с тяжелыми жемчугами вокруг морщинистой шеи.

Помню, всего три дня назад они, завидев меня, начинали улыбаться и принимались ворковать, вываливая мне на голову массу комплиментов. На сей раз все было иначе. Месье выпучился, сделал шаг по направлению к кабине, но жenuшка схватила его за локоток и прошипела:

– Нет, Мишель, давай пройдемся пешком!

– И в самом деле, мадам, – произнесла я саркастически, – вам и вашему супругу требуются занятия спортом, иначе не миновать смерти от инфаркта. Но все же такой исход куда лучше, чем быть зарезанным своей же любовницей. Так ведь, месье?

У того вообще челюсть отвисла, а на супругу его стало жалко смотреть. Я нажала на кнопку, и двери лифта сомкнулись, кабина полетела дальше вверх. Что ж, в общественном остракизме есть даже нечто положительное, подумалось мне. Во всяком случае, не придется ездить в набитом битком лифте, никто не будет больше приставать с глупым small talk'ом, и наконец-то можно будет поужинать в ресторане, не опасаясь армии назойливых поклонников.

В коридоре мне попалась горничная с тележкой. И даже та – конечно, горничная, а не тележка! – вылупилась на меня, как будто столкнулась с привидением.

Я мило бросила ей:

– Казнь на гильотине назначена на послезавтра, а пока мне разрешили вернуться в отель. Кстати, вы приглашены на экзекуцию. Причем не как почетная гостья, а в качестве моей дублерши. Так как, согласны?

Бедняжка спаслась от меня бегством, причем столь стремительно, что едва не перевернула свою тележку. Да, видимо, плохи мои дела, если даже горничные не желают разговаривать со мной!

А, ладно, наплевать на все и всех, решила я и открыла при помощи электронной карточки-ключа дверь своего номера. Два дня назад, когда я покидала его, чтобы отправиться на тайное свидание с Витей, все было иначе. И я была иной, и жила в совершенно другом измерении. Тогда я была чрезвычайно успешной фотомоделью, королевой подиума. А кто я теперь? Главная и единственная подозреваемая в деле по убийству русского олигарха, который, к несчастью, купил растреклятую бертранскую футбольную команду.

Я вошла в номер и затворила дверь. И наконец-то осталась одна. Но ведь это не значило, что все проблемы разом испарились. Стоит мне высунуть нос в коридор, как обязательно столкнусь с другими постояльцами или прислугой. Да и покидать крошечное княжество на Лазурном Берегу мне запрещено постановлением суда – придется жить в отеле, как в золоченой клетке.

Я прошествовала по огромному номеру (все же я могу позволить себе такую роскошь!), приблизилась к одному из окон, осторожно приоткрыла тяжелую портьеру – и увидела журналистов, толпившихся около отеля. Кто-то заметил, видимо, шевеление около моего окна, потому что тотчас на окна устремились десятки фотоаппаратов и камер. Я отпрянула в глубь комнаты, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. Вообще-то любая топ-модель на моем месте была бы чрезвычайно рада тому, что пользуется таким успехом у журналистской братии, но ведь работники мировой желтой прессы хотят получить новое фото «жестокой убийцы».

Повинуясь внезапному импульсу, я прошлась по всем четырем комнатам номера и нажала на выключатели, приводя в действие электрическую систему, управлявшую жалюзи. Когда номер погрузился в темноту, везде включила лампы и – зарыдала. Ну почему мне приходится так мучиться?

Ответа на вопрос мне никто дать не мог, поэтому я отправилась в ванную, где не меньше часа нежилась в мраморной купели, заполненной горячей водой. За это время мой мобильный телефон, валявшийся на полу, трезвонил не меньше десяти раз, и каждый раз я игнорировала его. Мне не хотелось ни с кем говорить, менее всего с собственным менеджером, а еще меньше с адвокатом. Итак, у меня, похоже, единственный путь – признать себя виновной в преступлении, которого я не совершала, на несколько лет отправиться в местную тюрьму или, используя заключение психиатров, в сумасшедший дом. Хорошая перспектива, ничего не скажешь!

Я встала из ванны, и телефон зазвонил в очередной раз. Нет, не буду обращать на него внимание! Лучше всего вообще выключить. И все же я подняла изящную штучку, украшенную стразами, и увидела номер родителей – они звонили мне из России, желая осведомиться, как дела у их горячо любимой дочери.

Безусловно, папа с мамой уже знают о случившемся. Наверняка сообщение о моем аресте прошло и в российской прессе, и по телевидению как обрамление новости о гибели олигарха Максюты. К тому же отец внимательно отслеживает сообщения в Интернете, а там-то новость о моем аресте появилась раньше всего.

Чувствуя угрызения совести, я отключила мобильный телефон. Что я могла сказать родителям? Им не требовались уверения в том, что я не убивала Витю. Даже если бы я его убила, то все равно осталась бы их любимой дочуркой Аришей. Я им обязательно перезвоню, только позже. В тот момент у меня не было желания говорить с ними и оптимистично врать, заявляя, что все в полном порядке и что мой арест – всего лишь трагическое недоразумение.

Я приблизилась к огромному зеркалу – специальной конструкции, с подогревом, чтобы не запотевало, если принимаешь ванну, – и всмотрелась в свое отражение. Да, вот она я, Арина Винокурова, тридцати лет от роду, Овен по знаку Зодиака, так называемая топ-модель, гордость (во всяком случае, до недавнего времени) России и в течение последних дней – ужас Бертрана. Рост – метр семьдесят девять, вес – пятьдесят три килограмма, зеленые глаза, длинные волнистые рыжие волосы, молочная кожа. Прямо-таки принцесса из сказки!

Поэтому-то на меня и обратила внимание владелица одного из московских модельных агентств. Она, как и ее коллеги, регулярно ездила в провинцию, где устраивала кастинг для всех желающих стать моделью. Я, в то время наивная девчушка семнадцати лет, только что окончившая школу и начавшая учебу в университете, на факультете иностранных языков, отправилась туда вместе с тремя подружками.

Вообще-то я входила в команду поддержки своей некогда лучшей подруги Вики, считавшейся самой красивой девицей на курсе. Вика, высокая блондинка, чем-то неувлимо похожая

на юную Грейс Келли, была уверена в том, что ее тотчас возьмут на работу в столичное модельное агентство. Я же, тощая, нескладная, в уродливых очках, с длинными волосами, заплетенными в косу, – и не помышляла о подиуме. Мальчишки за мной не увивались, а в школе меня дразнили Колокольней и Зубочисткой. Были и другие прозвища, вспоминать которые не хотелось. А Вику, окончившую лингвистическую гимназию с золотой медалью, всегда окружала толпа поклонников и льстецов.

Только теперь, по прошествии без малого тринадцати лет, я понимаю, отчего Вика намеренно окружала себя, мягко говоря, не самыми красивыми подругами. Это же ясно как божий день – чтобы на их фоне блистать своей исключительной внешностью. Что, надо отдать Вике должное, удавалось ей на славу. Мы все, ее так называемые лучшие подруги, в действительности были свитой, фрейлинами императрицы, бесплатным приложением к ее лицу Белоснежки, фигуре Барби и характеру Бабы-яги.

Подумать только, ведь я умираю от счастья, когда узнала, что Вика смилостивилась и решила зачислить меня в свои приятельницы. Не обращала, глупенькая, внимания на то, что от меня требовалось лишь оттенять ее красоту и выполнять поручения – то таскать ее сумки, то покупать для нее особую минеральную воду, то подавать косметичку, то давать списывать. В общем, королева Виктория восседала на троне, а мы, ее челядь, копошились где-то у самого подножия.

Для нашего хоть и областного, но провинциального города визит главы московского модельного агентства был событием особой важности. Вне всякого сомнения, и в нашем городке имелась пара-тройка агентств, однако так называемые модели, работавшие в них, карьеры не делали, в лучшем случае оказывались в постели местных мафиози и чиновников городской или областной администрации, а также бизнесменов-толстосумов. Если они где и появлялись, так только на приемах, презентациях или, скажем, во время демонстрации коллекции одежды местной трикотажной фабрики. Кое-кто пробился в дикторы областного телевидения, а некоторым повезло особо – они вышли замуж за представителей городского истеблишмента.

Вика душой не была. Родители ее, люди более чем обеспеченные (папа трудился в команде губернатора, мама заведовала той самой лингвистической гимназией, которую Вика окончила с золотой медалью), обладали в городе несомненным влиянием, и девочка мечтала о карьере настоящей, а не провинциальной модели, причем не просто модели, а с приставкой «топ». Вика побывала несколько раз в Париже, Риме и даже Нью-Йорке, ее комната была завалена модными глянцевыми журналами, она знала наизусть имена всех дизайнеров и не сомневалась в том, что к двадцати годам станет всемирно известной манекенщицей.

Она рассказывала нам, своим служанкам, что была и в Москве, где ее едва ли не на коленях умоляли подписать эксклюзивный контракт с одним из агентств, однако Вика отказалась, так как не могла бросить школу и пренебречь университетом. Теперь-то, умудренная жизненным опытом, я понимаю, что никто ничего Вике в Москве не предлагал, потому что, если бы подобное предложение поступило в самом деле, она бы с великой радостью бросила не только наш провинциальный город, школу и университет, а также и родителей вместе со своей любимой таксой. Скорее всего, в Москве ее никто не заметил, поэтому-то Вика и врала, распространяя небылицы, которые мы, наивные подружки, принимали за чистую монету. Еще бы! Не только Париж или Нью-Йорк, но и Москва казалась для нас другим миром, от упоминания о котором захватывало дыхание.

Вика притащила на кастинг папку со своими снимками, сделанными лучшим в городе фотографом. До этого она провела у зеркала не менее четырех часов и еще часа четыре выбирала, что же именно ей надеть. Мы, ее свита, были обязаны выражать восхищение. Собственно, именно для того Вика и взяла нас с собой – она была уверена, что ее возьмут в модели, и ей хотелось, чтобы ее триумф поразил нас, дурнушек, в самое сердце.

Надо сказать, наша королева не ошиблась – директриса модельного агентства ее заметила. Тем более что Вика умела двигаться, поскольку брала уроки у бывшей балерины, prima-donna драматического театра.

Мы дожидались ее в коридоре. Я и представить себе не могла, что в нашем городе столько желающих записаться в модели. Сама-то я и не помышляла о таком – пределом моих желаний было, окончив университет, получить место учительницы английского и французского в школе или, возможно, остаться при кафедре и заняться написанием диссертации.

Вика – сияющая, лучезарная, с гордо вскинутым подбородком – появилась в холле детско-юношеского центра, бывшего дворца пионеров, в актовом зале которого и состоялось магическое действо под названием «кастинг». Я бы отдала полжизни за то, чтобы взглянуть хотя бы одним глазком, что там и как происходит, но в зал не допускались ни зрители, ни родители, ни группы поддержки. Там властвовали директриса модельного агентства и ее помощники.

В большом коридоре, выложенном побуревшими мраморными плитами, мне даже не нашлось местечка на стуле или в кресле, поэтому пришлось стоять, держа Викино манто из соболя. И вдруг я услышала голос Вики.

– Меня взяли! Теперь я поеду в Москву! Я стану знаменитой! – кричала она, стоя в дверях актового зала.

Мы, помнится, даже заплодировали, потому что были горды – ну как же, мы ведь знакомы с девушкой, которую взяли в агентство!

Как потом я узнала, во время таких поездок по стране директрисе удавалось находить среди сотен и тысяч серых мышек настоящие, неотшлифованные алмазы. А самым ценным ее приобретением была, вне всяких сомнений, я. Однако если бы в тот момент кто-то сказал мне, что всего через год я появлюсь на подиуме в Париже, а через два мое фото украсит разворот в журнале «Вог», я бы сочла того человека опасным сумасшедшим. Никто из нас не сомневался, что если кому и суждена судьба топ-модели, так это Вике.

Нет, в тот день директриса была слишком занята и наверняка устала, поэтому на меня она не обратила внимания. Да и вообще, кажется, в тот день я ее не видела, равно как и она меня. Вика, захлебываясь от счастья, рассказала, наверняка все преувеличивая, как хвалила ее директриса, как были поражены ее помощники, как фотограф заявил, что у нее самое красивое лицо и тело из тех, которые он видел за всю свою жизнь.

Вике было велено явиться на собеседование с директрисой на следующий день. Та остановилась в лучшем отеле города, и для столь важного визита Вике, конечно же, снова потребовался подходящий антураж, то есть свита. Наверняка сейчас моя бывшая подруга прокликает тот час, когда приняла решение, что сопровождать ее буду я. Ведь останови она выбор на ком-то другом, директриса агентства так бы и не увидела меня, судьба прошла бы мимо меня стороной. Я бы так и осталась в своем родном провинциальном городе, окончила бы университет, наверняка с красным дипломом, и к тридцати годам уж точно защитила бы диссертацию. И не пришлось бы мне быть сейчас выпущенной под залог в два миллиона евро и числиться в убийцах олигарха Максюты.

Но, как часто происходит, у судьбы свои планы.

Вообще-то, насколько я помню, Вика позвонила мне в последний момент – я как раз готовилась к семинару по общему языкознанию, уверенная, что Вика возьмет кого-то другого в качестве дуэньи. Но выяснилось, что Светка, особенно некрасивая девушка с кроличьими зубами и двойным подбородком и потому любимица Вики, вдруг слегла с ангиной, а Маша, у которой был чрезвычайно большой нос, получила от родителей наказ навестить в больнице тяжело захворавшую бабушку, от которой она свой нос и унаследовала. Вот Вика и позвонила мне, заявив, что я удостоилась чести сопровождать ее к директрисе модельного агентства. Таким образом, я была не первой и даже не второй кандидаткой на роль горничной. Но, помнится, я чрезвычайно обрадовалась, услышав слова Вики, и, мгновенно забыв обо всех

метонимических и метафорических процессах в английском языке, над которыми только что усердно корпела, побежала к своей королеве.

Нас доставил в гостиницу «Интурист» на «БМВ» последней модели личный шофер отца Вики. Помню, что от нее несло, как от цветочной грядки, – она вылила на себя наверняка не меньше половины флакона чрезвычайно дорогого парфюма своей матушки. В ушках и на пальчиках Вики сверкали бриллианты, а сама моя так называемая подруга походила на светскую даму, которых я могла лицезреть тогда только на страницах глянцевого журналов.

Мне требовалось тащить за Викой соломенное лукошко, в котором дремала ее любимая такса Глаша, украшенная ошейником со стекляшками, – Вика где-то вычитала, что ни одна уважающая себя дама высшего света не появляется на людях без своей любимой собачки. Или без ручного десятисантиметрового тропического таракана, чей хитиновый панцирь украшен подлинными драгоценными камнями на гомерическую сумму, причем насекомое приковано к руке хозяйки золотой или платиновой цепочкой – этакое живое украшение. Тропического таракана с рубинами и изумрудами на панцире завести Вике не позволили родители, поэтому пришлось ограничиться таксой Глашей.

Я впервые была в лучшем отеле нашего города. Впрочем, насколько мне помнится, вообще первый раз в каком бы то ни было отеле. Меня поразили швейцар в богатой ливрее, стеклянные двери, колонны из зеленого мрамора и огромная бронзовая люстра с массой хрустальных висюлек. Это теперь, задним умом, я понимаю, что в действительности это была второразрядная провинциальная гостиница, запыленная, с плохой кухней и опереточной, фальшивой роскошью начала пятидесятых годов. Тогда же мне показалось, что я попала в сказку. Однако и в той сказке мне была отведена роль не принцессы (ее отлично играла Вика), а замарашки Золушки.

Вика часами оттренированным жестом скинула с себя соболиное манто, которое я поймала на лету. Взгляды тотчас устремились на Вику – она, слов нет, была хороша! Цокая гигантскими каблуками, поражая всех алым платьем с умопомрачительным разрезом, Вика подошла к стойке администратора и небрежно произнесла:

– У меня назначена деловая встреча с госпожой Травниковой из московского модельного агентства «Калипсо».

Устраивать подобный театр не имело смысла, можно было просто пройти к лифту и направиться в номер к директрисе, но Вике хотелось, чтобы все ею восхищались, чтобы директрисе загодя доложили по телефону о прибытии новой восходящей звезды модельного бизнеса.

Я засеменяла вслед за Викторией, лифт вознес нас на последний этаж, и когда мы оказались перед дверью, моя лучшая подруга небрежно обронила:

– Вот что, Ариша, подожди меня здесь. И если Глаше захочется пи-пи, то ты ее выведи.

Она скрылась в номере директрисы, а я, поставив корзинку с таксой на колени, принялась ждать. Не ведаю уж теперь, сколько именно прошло времени, кажется, около часа, но наконец дверь номера открылась, вышла сияющая Вика, а вслед за ней – холеная дама с короткой асимметричной прической (волосы были какого-то необыкновенного серебристого оттенка), в скромном черном брючном костюме, причем сразу было видно, что это чрезвычайно дорогая и уж точно эксклюзивная вещь. Пальцы директрисы, возраст которой не поддавался точному определению по причине полного отсутствия морщин, были унизаны странными кольцами – позже я узнала, что сделаны они из иридия и украшены тибетскими заклинаниями.

– Ольга Кирилловна, я так счастлива! – проворковала Вика. – Значит, до завтра!

Приблизившись ко мне, Вика сообщила:

– Все урегулировано, завтра я подпишу контракт, а после Нового года перееду в Москву. Папа уже присмотрел мне там небольшую квартирку, всего три комнаты, но на первых порах придется обходиться малым.

Директриса, чей взгляд отчего-то был прикован ко мне, вместо того чтобы закрыть дверь, вдруг вышла в коридор. Она приблизилась к нам и спросила:

– Боже, а это кто?

Вика, вынимая из корзинки Глашу, зашебетала:

– Ольга Кирилловна, это моя любимица. У нее потрясающая родословная! Достоверно известно, что одна из ее родственниц, прапрапрапрабабка, была любимой собачкой императрицы Екатерины Великой. Одного из щенков ее помета получил в подарок мой предок, граф Зуров...

Вика ужасно гордилась тем, что у нее имелись дворянские корни. Она даже утверждала, что по происхождению – графиня. Может, и в самом деле так, но историю про любимую таксу императрицы Екатерины она точно выдумала – ее величество предпочитала левреток.

Однако директриса не удостоила тихо сопевшую таксу вниманием, потому что ее вопрос «Боже, а это кто?» был адресован не собачке, а мне. Ольга Кирилловна, замерев на несколько мгновений, рассматривала меня, прищурился глаза.

– Ах вот вы о ком... – произнесла покровительственным тоном Вика. – Это моя... ммм... сопровождающая... Одна из моих... ммм... помощниц... Вы же понимаете, Ольга Кирилловна, что я одна со всем не справляюсь. Мне приходится прибегать к помощи... ммм.... подруг...

Директриса не слушала ее нелепое бормотание. Схватив меня за подбородок цепкими железными пальцами, она приказала:

– Голову выше. Да, отлично. Теперь повернись. Распусти волосы!

Мне пришлось повиноваться. Вика, почуяв неладное, захлопнула:

– Ольга Кирилловна, ну так мы пойдем?

А потом, обращаясь ко мне, грубым тоном бросила:

– Винокурова, чего стоишь, как могильный памятник? Давай помоги мне надеть манто!

– Молчать! – безапелляционно остановила ее директриса, и Вика, которой, скорее всего, никто и никогда не говорил ничего подобного – ни родители, ни учителя, ни подруги, – так и осталась стоять с открытым ртом.

Ольга Кирилловна сама вытащила у меня из волос старый гребень, при помощи которого я сдерживала рыжее буйство своих волос. Я растила их с детства, только изредка подравнивая, но, по словам Вики, волосы до пупа давно вышли из моды, а рыжий цвет совсем не котировался.

Волосы рассыпались у меня по плечам, а я залилась краской – мне отчего-то было до крайности стыдно. Директриса бесцеремонно схватила меня за плечи, затем ударила кулаком по спине так, что я даже икнула, искомандовала:

– Не горбиться!

Я выгнула грудь колесом, желая, чтобы мучения как можно быстрее закончились. Мне была видна искаженная физиономия Вики – еще бы, я посмела перетянуть одеяло на себя, а подобное, как мне было отлично известно, каралось полным отлучением от ее величества.

– Так, так, так... – быстро пробормотала директриса и добавила: – Сними свитер!

– Ольга Кирилловна, Арина вовсе не думает о карьере модели, – скривившись, встряла в разговор Вика. – Так ведь, лапушка?

Если Вика употребляла слово «лапушка», значит, она была чрезвычайно разозлена. Последний раз я слышала это обращение из ее уст, когда она обращалась к нерасторопной продавщице в модном магазине, которая по ошибке принесла платье для коктейля на два размера больше, чем требовалось. Потом Вика похвасталась, что пожаловалась своей мамаше, которая позвонила старинной подруге, супруге владельца бутика, и тот в два счета уволил продавщицу, посмевающую принести не тот размер.

Я промямлила что-то наподобие: «Вика совершенно права, какая из меня модель, разве что для краеведческого музея», но директриса, не слушая возражений, сама помогла мне снять свитер.

– Так, так, так... – повторила Ольга Кирилловна и щелкнула в воздухе пальцами. – Тебя зовут Арина, да? Не найдется ли у тебя нескольких минут для того, чтобы мы могли переговорить?

Вика ответила вместо меня:

– Ольга Кирилловна, Арина у нас «синий чулок», зубрилка-отличница. Ей в девять уже надо дома быть, а не то родители по шее накостыляют. Так что, лапушка, бери-ка корзинку с Глашей и топай за мной. Живо!

Это была не просьба и даже не приказ, а проклятие, адресованное мне лично. Я почувствовала, что умру сейчас на месте, потому что Вика соизволила прогневаться на меня, но с нахалкой быстро справилась Ольга Кирилловна:

– Виктория, тебе здесь больше делать нечего. Приходи завтра к моему помощнику. А ты, красавица, нужна мне прямо сейчас.

И, взяв меня за руку, она потащила меня к себе в номер. На пороге обернувшись, я увидела исходившую злобой Вику.

Оставив меня стоять посреди комнаты, москвичка вынула столь редкий в те годы в провинции аппарат – мобильный телефон – и произнесла в него:

– Зайди ко мне немедленно. И прихвати Иллариона. Да и фотографа тоже. Кажется, я нашла девушку для «Дорсо».

Что значили ее слова и вообще все, что происходило, я не смогла бы объяснить даже под пытками. Но меньше чем через минуту в дверь постучали, и в номер вошли трое мужчин, причем совершенно разных. Первый был невысокий, коренастый, полностью лысый, с модной небритостью на лице, в странных очках в разноцветной оправе. Второй – тонкий, изящный, с длинными светлыми кудрями, обрамлявшими кукольное личико. А третий – пожилой, с моржовыми усами и густыми бровями.

– Господи, да ведь это то, что мы искали целых три месяца! – хлопнул в ладоши высокий блондин, больше похожий на высокую блондинку. Как позднее выяснилось, то был стилист Илларион.

Лысый тип, отчего-то вызвавший у меня ассоциации с булгаковским Азazelло (хотя ни бельма, ни клыка у него не было), приблизился ко мне, склонил голову и принялся внимательно разглядывать. А через пару минут пробормотал:

– В ней что-то такое есть... Инфернальное. Да, определенно... Думаю, можно попробовать...

Так я впервые увидела Аркадия. Он, как позднее выяснилось, был стратегом и мозговым центром модельного агентства. Наконец вынес свой вердикт и усач (Семен Петрович, фотограф):

– В самом деле, я ее именно такой и представлял.

О чем они вели речь, было для меня загадкой. Илларион и Аркадий расположились на софе, Семен Петрович остался стоять, а Ольга Кирилловна, сцепив руки в замок, опустилась в кресло и велела:

– А теперь, красавица, двигайся!

Я онемела. В застиранном лифчике, со вспотевшими подмышками я находилась в обществе трех мужчин и одной бой-бабы, и они хотели, чтобы я двигалась. Мне не пришло ничего лучше в голову, чем спросить:

– Как... двигаться?

На выручку мне пришел стилист, защебетавший подобно попугаю. Блондин говорил с поразительной скоростью, и уже через три минуты от его болтовни у меня начала пухнуть

голова, но тем не менее она помогла мне – я расслабилась. И все же понадобилось не меньше получаса, чтобы я начала показывать какие-то незамысловатые движения. И в течение этого получаса остальные три человека терпеливо ждали, хотя, как я узнала позже, обычно они не привыкли никого ждать. Но ради меня было сделано исключение.

Кое-как подпрыгнув, я посмотрела на часы и увидела, что уже почти десять. А родителям я сказала, что вернусь к девяти! Наверняка папа с мамой уже испереживались! Сгорая от стыда, я пролепетала:

– Мне надо позвонить домой...

Аркадий протянул свой мобильный, в то время вещь для меня совершенно незнакомую, и я с благоговейным ужасом принялась тыкать в кнопки. Родители, как это легко предположить, были уже на взводе и предполагали самое худшее, тем более что мерзавка Вика, конечно же, не соизволила поставить их в известность, где я, и предупредить о том, что меня задержала в отеле директриса модельного агентства.

Поэтому я тут же огорошила Ольгу Кирилловну заявлением, что мне пора домой. Дома усмехнулась и, переглянувшись с тремя мужчинами, заметила:

– Что же, красавица, на первый раз прощаю. Но запомни: если хочешь достичь в этой профессии успеха, тебе понадобится железная хватка.

«О чем она? – подумала я тогда. – Какая профессия? Ведь она уже взяла Вику и даже подписала с ней контракт. А кто я, собственно, такая?»

Примерно в таком духе, правда, гораздо более сумбурно, я тогда и высказалась. А директриса, сверкнув невероятно белыми зубами, сказала:

– Вика, конечно, ничего, однако ты дашь ей фору. Как и многим другим, красавица. Только, да будет тебе известно, к финишу приходят не самые красивые и даже не самые умные, а самые выносливые. Что же касается профессии... Разве ты еще не поняла, к чему мы тебя готовим?

Пришлось признаться, что поняла, на что Ольга Кирилловна отреагировала фразой:

– Значит, не такая уж ты идиотка. Вот и хорошо. А теперь в самом деле тебе, красавица, пора. Поговорим завтра обо всем в деталях. Кстати, ты же еще несовершеннолетняя, так что придется и родителей подключить.

– Значит, мне завтра с ними к вам подъехать? – заикаясь то ли от счастья, то ли от страха, а вероятнее всего и от того и от другого, спросила я.

На что директриса заявила:

– Дай-ка мне свой адрес. Я... нет, мы навестим тебя завтра, скажем, часиков в семь вечера...

Обратно домой я летела как на крыльях. И даже гроыхающий троллейбус казался мне Пегасом, уносящим меня к вершинам Олимпа. Подумать только, мне предлагают работу фото-модели! Или нет? Я даже испугалась, но потом успокоила себя – если бы Ольга Кирилловна желала предложить мне должность уборщицы или секретарши, то поручила бы вести переговоры одному из своих помощников и уж точно не собралась бы лично пожаловать ко мне домой.

Родители восприняли новость по-разному: мама была чрезвычайно рада, отец отнесся скептически, заподозрив отчего-то, что под вывеской модельного агентства в действительности скрывается бордель. А вот две мои младших сестры были в полном восторге. Вернее, в полном отпаде.

Всю ночь я проворочалась с боку на бок, не в состоянии сомкнуть глаз. А кто бы на моем месте смог заснуть? И утром, разглядывая себя в зеркале в ванной, я уныло констатировала, что синяки под глазами не делают меня краше. Ведь может получиться, что Ольга Кирилловна откажется от первоначальной затеи и решит, что не стоит иметь со мной дело.

Полная дурных предчувствий, я отправилась в университет. На этом настоял отец, заявив, что не для того он вкалывает на двух работах, чтобы его старшая дочка балбесничала и отлынивала от занятий.

Вику я совершенно упустила из виду и, честно признаюсь, забыла о ней напрочь. А такого наша провинциальная Перис Хилтон простить, конечно, не могла. Хотя в первую очередь она не могла забыть о том, как я смазала ей триумф и получила предложение от Ольги Кирилловны.

Когда я появилась на семинаре, то тотчас подверглась атаке – Вика, как выяснилось, со мной более не разговаривала. Кроме того, она подбила и других девиц со мной не общаться. Меня такое отношение задело. Тем более что получалось следующее – если Вика подписала контракт с модельным агентством, то это значит нормально, а если взяли и меня, следовательно, я сволочь и подлая предательница. Но почему?

Во время перерыва между парами я в женском туалете, где затворились сплетницы, высказала свое мнение Вике. Та, одарив меня лучезарным взглядом из-под умопомрачительно длинных мохнатых ресниц (их Вика смазывала каким-то особым секретным составом, купленным за бешеные деньги у лучшего косметолога нашего города), пропела, выдыхая сизый дым ментоловой сигареты:

– А наше чмо, оказывается, еще и говорить умеет!

Девицы, которые вчера были моими подругами, противно загоготали. Вика же, вошедшая в раж, продолжила:

– Кстати, Винокурова, как тебе понравилось-то со старушкой?

– Что понравилось? – туповато спросила я, не понимая, о какой такой старушке идет речь.

Вика любезно пояснила:

– Да что ты из себя сейчас девственницу разыгрываешь? Мы же все про тебя знаем. А раз нам известно, то и весь универ скоро в курсе будет. Директриса модельного агентства девочек любит. Ну, она ведь лесбиянка, что всем известно. Так зачем она тебя к себе в номер зазвала? Неужели ты ей по вкусу пришлась и она тебя соблазнила?

– Что за чушь... – начала я, а Вика, добывая меня, съязвила:

– Что, старушке и соблазнять тебя не пришлось, Винокурова? Ты ей сама за просто так отдалась? Или ты за просто так никому не отдаешься, а всегда деньги требуешь? Вот ты, оказывается, какая – шлюха, к тому же «розовая»!

Работать языком Вика умела великолепно – наверняка в тот же день наш факультет узнал о том, что я сплю за деньги с женщинами. Да, Вика рассчитала верно – лучше всего испортить репутацию, распустив слухи, желательно извращенно-сексуального характера, на такое люди поведутся сразу. А Вика была на меня зла, даже очень зла, и ей думалось, что таким образом она в один момент раздавит меня, как муравья.

Не выдержав больше в университете, я вернулась пораньше домой и закрылась в своей комнате, где дала волю слезам. Вот, оказывается, какова она, профессия модели, – я еще никто в этом бизнесе, а из меня уже сделали нимфоманку-лесбиянку. Что же будет дальше?

Ответ на вопрос мне смогла дать Ольга Кирилловна, которая в семь вечера, минута в минуту, заявила к нам в гости. Изрядно наплакавшись, к ее приходу я вычистила квартиру, сбегала в кондитерскую и принесла пирожных нескольких сортов, приготовила чай, кофе, минеральную воду и приказала родителям как следует одеться – все же не каждый раз нас удостоивает визитом директриса столичного модельного агентства.

Хоть я и изображала веселость, но Ольга Кирилловна сразу же почувствовала: что-то не так. Поэтому после короткой беседы ни о чем с моими родителями она вышла со мной на кухню и спросила:

– Что случилось?

Я рассказала ей о наветах Вики, а гостя только хмыкнула:

– И все? Тебе придется привыкать к сплетням, рассказам и глупым и обидным историям, красавица. Что же касается Вики...

Она фразу не завершила, но позднее я узнала, что контракт с Викой был бессрочно расторгнут (подобный пункт имелся в нем), а через своего верного ассистента Аркадия Ольга Кирилловна сообщила Вике, что позаботится о том, дабы моя некогда лучшая подруга не попала ни в одно столичное агентство. Да, Вика кардинально просчиталась, а я убедилась в том, что Ольга Кирилловна не прощает оскорблений и что с директрисой надо всегда держать ухо востро.

Впрочем, о том, что карьера Вики закончилась, так и не успев начаться, я узнала некоторое время спустя, когда уже переехала в Москву. Ольга Кирилловна кратко обрисовала моим родителям перспективы и заявила, что я идеально подхожу в качестве лица рекламной кампании одного известного парфюмерного концерна – клиентам требовалась не раскрученная манекенщица, а кто-то новый, причем вызывающий у потенциальных клиентов доверие. И таковым лицом надлежало стать мне.

Отец вначале сопротивлялся, однако убийственный аргумент «Неужели вы хотите препятствовать счастью вашей дочери?» сыграл решающую роль. И чтобы окончательно успокоить его, Ольга Кирилловна заявила, что на первых порах меня может сопровождать кто-то из родственников. Но для участия в кампании требовалось как можно быстрее направиться в Москву.

В столицу я поехала вместе с мамой – она взяла отпуск за свой счет, полагая, что четырех недель хватит для подготовки кампании. Хватило и двух. И для меня стало полной неожиданностью, что, помимо постеров и плакатов, которым надлежало украшать перекрестки, заборы, трамвайные и троллейбусные остановки в многочисленных городах нашей необъятной родины, планировались и съемки телевизионного рекламного ролика, где моим партнером должен был стать известный певец.

Все прошло как во сне, ибо я попала, как Золушка, в совершенно иной мир, мне незнакомый и, как я сразу почувствовала, враждебный. Только незримое присутствие мамочки помогло мне выдерживать шестнадцатичасовой рабочий день, крики режиссера, наставления Ольги Кирилловны, холодный кофе, сигаретный дым и истязания, которым подвергали меня стилисты и визажисты.

Впервые глянув на свое изображение на экране компьютера, я обомлела – неужели роковая красавица, более похожая на девушку Джеймса Бонда, которая была передо мной, и есть я, скромная студентка первого курса провинциального университета Арина Винокурова? И тем не менее там была в самом деле я.

И если вначале мне казалось, что, приняв участие в одной-единственной кампании, я сразу вернусь обратно домой, то вскоре я поняла – обратной дороги нет. Тот, кто считает, что профессия фотомодели является приятным времяпрепровождением, просто кривлянием перед фотографом, в том числе в эротических позах, в перерывах между посещением суши-бара, итальянского ресторана и презентациями, жестоко ошибается. Работа буквально ада, а сам модельный бизнес – настоящая преисподняя. Только мне, юной наивной грешнице, которую угораздило свалиться в бурлящий котел со смолой, мог служить утешением тот факт, что сатана в подземном мире был женского полу и звался он – Ольга Кирилловна Травникова. Попади я под крыло иного агентства и иной директрисы, неизвестно, как бы все сложилось. Ольга Кирилловна обладала поразительным чутьем, и она умела делать «звезд», безошибочно разглядывая в девочках-куколках будущих сверкающих бабочек-махаонов.

Обитали мы с мамой где-то на задворках Москвы. Никакой шикарно обставленной квартиры или безумно дорого номера в отеле недалеко от Красной площади у меня не было, да и деньги за участие в рекламной кампании были не бог весть какие. Но в то время, конечно,

полторы тысячи долларов были для нас настоящим крзовым богатством, хотя ведь и помучиться пришлось две недели самым жутким образом.

И все же я ощутила себя в сказке, когда увидела расклеенные по столице плакаты со своим лицом, когда впервые увидела рекламный ролик, крутившийся по телевидению. Как так могло получиться, что я вдруг в одно мгновение превратилась в лицо парфюмерного концерна?

Самое удивительное, что вскоре меня начали узнавать на улице. Особым ориентиром служили мои роскошные рыжие волосы – редкость среди манекенщиц, предпочитающих быть блондинками или жгучими брюнетками. Но Ольга Кирилловна объяснила мне секрет моей популярности и того, что люди узнавали меня даже без грима и роскошного платья.

– Красавица, все очень просто – у тебя, в отличие от девяноста девяти процентов манекенщиц и моделей, имеется индивидуальность. Это может вознести на вершины славы и богатства, но может и низвергнуть тебя в бездну отчаяния и криминала. Однако в любом случае решение принимаешь ты.

Фразу о том, что решение принимаю я, мне приходилось слышать из уст Ольги Кирилловны еще очень много раз, хотя в подавляющем большинстве случаев решение принимала все же она. Но я поняла: она имела в виду следующее – в нужный момент, который является судьбоносным (а чтобы распознать это, требуются особый дар и быстрая реакция), следует принять верное решение, ступить именно на ту дорожку, которая, если ставка сделана на нужную карту, рано или поздно приведет в твое личное королевство у самого синего моря.

– Почти все плывут по течению, ибо считается, что по-иному нельзя, – добавила как-то Ольга Кирилловна, – а вот ты с характером, поэтому можешь переломить ситуацию. Только смотри, чтобы тебе не вышло боком, красавица!

* * *

За первой кампанией последовали другие, причем мне одновременно пришлось пройти курсы повышения квалификации и научиться тому, что должна уметь любая модель – правильно двигаться по подиуму, правильно поворачивать голову, правильно играть на публику, правильно позировать фотографу, – и массе других вещей, вроде бы не таких уж и сложных – по сравнению с общим языкознанием, – но жизненно необходимых. Хорошо, что у Ольги Кирилловны имелись свои собственные специалисты, которые, используя безжалостные приемы и пропагандируя железную дисциплину, прививали нужные навыки.

Университет пришлось бросить – учиться в родном городе и одновременно жить и работать в Москве было нереально. Отец моему решению противился, но к тому времени мне уже исполнилось восемнадцать, да и зарабатывала я раз в десять больше, чем он. И не без моей помощи родители приобрели новую квартиру, где у каждой из моих младших сестер было по собственной комнате.

Гламурный мир, конечно, затягивал. И все же Ольга Кирилловна была права, когда определяла мой характер: можно было успокоиться и на достигнутом, продолжить плыть по течению, подцепить себе богатого или даже очень богатого мужа – благо, что в столице подобных типов пруд пруди, однако мне хотелось большего, я мечтала о карьере за границей. Нет слов, Москва – это хорошо. Но кто сказал, что я не доросла до Парижа или Нью-Йорка?

Языки, к которым была равнодушна с детства, я не забрасывала. Английским-то я и так владела на весьма приличном уровне, а плюс к нему начала брать частные уроки французского и итальянского, помня о том, что все же мировые метрополии моды находятся как раз во Франции и Италии. Несколько раз я летала на работу за рубеж и быстро убедилась в том, что конкуренция в Европе не меньше, чем в России. И все равно поставила перед собой цель – пробиться и там. Но только каким образом?

Как-то, во время одной из поездок, я оказалась на приеме, весьма скучном и занудном, как и большинство подобных мероприятий. Модели служили приправой, вернее, приманкой для пожилых и богатых политиков, финансистов, промышленников. Там и сям попадались представители так называемой «золотой молодежи». Я знала, что присутствовать на вечеринке было необходимо – такое условие поставила Ольга Кирилловна, – однако сама определяла, чем именно я буду там заниматься. Было бы проще пареной репы подцепить себе состоятельного любовника или даже мужа, но я уже давно приняла решение, что пока не добьюсь успеха на подиуме за границей, ни о каком замужестве не может быть и речи. Нарожать детей, трястись над каждым лишним граммом или вовсе растолстеть, при каждой новой морщинке со всех ног нестись к пластическому хирургу и в конце концов понять, что семейная жизнь с миллионером или миллиардером далеко не нирвана, можно успеть всегда. Так зачем начинать это в восемнадцать лет, если можно подождать?

Поэтому, дабы улучшить свои познания в итальянском, я извлекла миниатюрное издание «Государя» Никколо Макиавелли и, спрятавшись в укромном уголке, в мягком кресле за колонной, принялась изучать сентенции прозорливого флорентийца, не потерявшие своей актуальности до сих пор.

Я так увлеклась пассажами политической библии эпохи Возрождения, что не заметила, как передо мной оказался невысокий мужчина с длинными волнистыми черными волосами и ухоженными усами и бородкой в стиле мушкетеров. Этот тип был мне хорошо известен, хотя бы и не лично, – звался он Жан-Полем Годо и был одним из ведущих парижских кутюрье, главой целого концерна, специализировавшегося на выпуске предметов роскоши.

– Мадемуазель, какое необычное сочетание! – произнес он, всплескивая брюссельскими кружевами, прикрывавшими тонкие кисти рук. – Глупый прием – и греческая нимфа, читающая Макиавелли на языке оригинала!

Я только легко улыбнулась – очень часто, чтобы произвести впечатление, стоит лишь таинственно улыбаться и многозначительно молчать.

– Впрочем, я ошибся! Вы отнюдь не греческая нимфа, а французская королева, – тут же поправил сам себя Годо.

– Вы мне льстите, – ответила я в том же духе. – Прямо-таки французская королева? Надеюсь, не Мария Антуанетта? Ее судьба меня не прельщает!

– Нет, не греческая нимфа и не французская королева, а римская богиня! – воскликнул патетически модельер, на что я ответствовала, поднимаясь:

– Римская богиня? Только какая именно – Юнона, Венера или Диана?

И еще до того, как Годо смог найти с ответом – его как раз окликнул один из великосветских друзей, – я ускользнула. И так, начало было положено, ржавые шестеренки странного устройства под названием «Судьба» завертели, скрипя, но со все возрастающей скоростью.

Кто любимый автор Годо, некогда изучавшего пару семестров в университете политологии, я почерпнула из интервью, в которых мэтр распространялся о своих литературных увлечениях. А о том, что Годо будет на приеме, я узнала от Ольги Кирилловны. Остальное – ловкость рук и никакого мошенничества. «Государя» я действительно прочитала, хотя бы и на русском, а вот на Годо мне удалось тогда произвести неизгладимое впечатление. Ну да, скажите на милость, так ли много в подлунном мире моделей, читающих на языке подлинника политический трактат пятисотлетней давности, причем во время весьма разнузданной вечеринки?

Годо и стал первой ступенькой лестницы, которая привела меня на Олимп, вернее, на парижский подиум. В интервью он не скрывал, что в его жизни две пламенные страсти – мода и политика. Поэтому, чтобы попасть в первую, я решила начать со второй.

Расчет оказался верным, и рыбка клюнула на приманку. Годо лично позвонил мне следующим утром и пригласил на ужин – к себе в квартиру, занимавшую целый этаж и располагавшуюся на одной из тихих и безумно дорогих улочек, примыкавших к Елисейским Полям.

Это было подлинной сенсацией, ведь Годо славился тем, что никогда и никого не приглашает к себе в парижскую квартиру, которая является для него своего рода крепостью, за исключением горстки самых преданных и много раз проверенных друзей. В прочие же свои обиталища – а у Годо имелись виллы, особняки и шале в различных уголках мира – он если и приглашал кого-то из модельного мира, так исключительно смазливых и готовых на все юных манекенщиков, к которым питал непреодолимую страсть. Но чтобы позвать на ужин женщину! Да, это было премьерой во всех отношениях!

Я основательно подготовилась к ужину, опасаясь, что меня уличат в афере. Но ничего подобного не случилось, потому что первое впечатление было уже произведено и Годо видел перед собой то, что хотел видеть. Я смеялась шуткам его пожилых друзей, ввернула несколько раз в подходящий момент латинские цитаты и высказывания Черчилля, не налегала, в отличие от прочих собравшихся, на дивное красное вино, выращенное на виноградниках мэтра в Бордо, и к концу вечера получила то, на что так надеялась, – предложение принять участие в предстоящем показе коллекции высокой моды Жан-Поля. Причем добиться возможности вышагивать по подиуму в его Доме моды я могла бы и иными путями, не такими изошренными, но ведь я сумела выторговать себе право быть там не в качестве одной из многих десятков безликих и по большей части безымянных статисток, а предстать в качестве королевы бала.

Так я стала музой Годо и оставалась ею вплоть до его трагической гибели, так до конца и не проясненной. Трех лет мне хватило с лихвой, чтобы значительно укрепить свои позиции и суметь удержаться на плаву после ухода в мир иной моего покровителя.

Центр моей деятельности переместился из Москвы в Париж, а чуть позже в Нью-Йорк. Ольга Кирилловна уже стала мне не нужна, но я не забывала директрису модельного агентства «Калипсо» и поддерживала с ней связь. Однако теперь не она требовалась мне, а я ей как бесплатная реклама и доказательство того, что простая русская девчушка может стать новой звездой в мире моды.

Деньги у меня водились и раньше, но с появлением в моей жизни Жан-Поля Годо, а вместе с ним и заказов от множества косметических и парфюмерных фирм (равно как концернов по производству готового платья и ювелирных бутиков), я наконец-то смогла стать полностью независимой в финансовом плане. А занимать третью позицию в списке самых высокооплачиваемых топ-моделей не так уж плохо!

Отец давно признал свое поражение и свою неправоту: еще бы, ведь его старшая дочь стала миллионершей! И выходить замуж за старого плешивого миллионера ей для этого вовсе не понадобилось.

Оставалось только продолжать работу над имиджем, постепенно подбираясь к вершине модельного Эвереста. Впрочем, восхождение к вершинам славы и богатства таило в себе и опасность – ведь частенько, достигнув цели, люди начинают скатываться вниз. Отпраздновав в конце марта свой тридцатый день рождения, я задумалась о том, что же делать дальше. Рано или поздно мне придется уходить из модельного бизнеса, и уж лучше сделать это по собственному желанию, на пике славы, чем дожидаться, когда модельеры начнут предпочитать тебе молодых конкуренток, а косметические концерны решат не продлевать с тобой договор на рекламу.

Конечно, всегда можно покинуть мишурный мир фальшивых улыбок, больших денег и первосортного кокаина и коротать свой век где-нибудь на юге Франции, на собственной вилле, воспитывая детишек. Не такая уж, ей-богу, плохая перспектива.

Но чтобы появились детишки, требуется муж – негоже быть матерью-одиночкой. Так в мою жизнь и вошел Виктор Максютя, в убийстве которого меня теперь подозревают. Не скрою, до него были и другие мужчины – я не вела жизнь монахини и предавалась эротическим приключениям, но в меру, ибо скандал мог навредить моему имиджу и нанести удар по моей бла-

гонадежности, а тем самым – по моим финансам. Но в отличие от всех других Витя был для меня самой большой любовью и одновременно самым большим разочарованием.

Познакомилась я с ним во время съемок рекламного ролика ювелирного салона – его новым владельцем являлся именно Виктор Геннадьевич Максютя. Его фамилию я слышала, но не видела причин настаивать на личном знакомстве с олигархом. А вот он, оказывается, был прекрасно в курсе того, что новую коллекцию бриллиантов и сапфиров буду рекламировать именно я, посему и возжелал познакомиться со мной. Отказать я не могла.

Максюта не произвел на меня отталкивающего впечатления – ему было лет сорок пять, но выглядел он моложе, следил за своей внешностью и фигурой, и хоть лицом не вышел, однако компенсировал это нахрапистостью и грубоватым юмором. В общем, типичный образчик нувориша.

У Вити имелась супруга, с которой он прожил душа в душу больше двадцати лет, а также великовозрастная дочурка. С женой он находился в тот момент в состоянии войны, так как разводился с одной. По примеру одного из своих приятелей-олигархов он хотел сделать все потихому и поставить публику перед свершившимся фактом, помахав свидетельством о расторжении брака. Но не тут-то было!

Витя при всех своих то ли пяти, то ли семи миллиардах евро, заработанных в поте лица при грабеже, перепродаже и выдаивании нефтеперегонных, алюминиевых и сталелитейных заводов, был, мягко говоря, весьма прижимистым субъектом, во всяком случае, в отношении того, что касалось его семьи, его прислуги и его подчиненных. О, на своих-то хобби – яхтах, почтовых марках, сверхскоростных автомобилях и чертовом футболе – он денег никогда не экономил, а вот законную супружницу Лидию Васильевну и дочурку Таечку держал в черном теле, если в отношении семьи олигарха справедливо подобное высказывание. Нет, на воде с сухарями они не сидели и в секунд-хенде не отоваривались, а жили под Лондоном, в приличном поместье. Но за всеми расходами своих женщин Витя строго следил, и если по какой-то причине месячный лимит – в десять тысяч фунтов! – оказывался исчерпанным до истечения срока, то никогда, ни при каких обстоятельствах он не подбрасывал им лишнюю копейку, вернее, лишний пенни.

А с разводом получилась вот такая штука. Сразу несколько желтых изданий опубликовали фото Вити, целующегося с молоденькой итальянской моделькой, и процитировали высказывание Максюты: мол, девица – новая супермодель, и если это не соответствует пока действительности, то он сделает из нее таковую.

Лидия Васильевна, по профессии экономист, уже давно замышлявшая оттяпать у мужа часть – лучше всего половину! – его гигантского состояния, тотчас подала на развод, взяв себе в адвокаты ту самую хваткую особу, которая представляла интересы при делах подобного рода принца Чарльза и сэра Пола Маккартни. Витя же огорошил весь мир заявлением, что является вовсе не миллиардером, а всего лишь навсего миллионером – его состояние не превышает десяти миллионов. Из чего следует, что даже при самом благоприятном раскладе Лидия Васильевна не сможет получить больше пяти «лимонов» в фунтах. Естественно, на спокойную старость хватит сполна, но ведь одно дело пять миллионов, а совсем другое – пять миллиардов!

Началась юридически-судебная кутерьма, закончившаяся мировым соглашением, вообще-то тайным, но все же просочившимся в прессу. Согласно оному, при разводе Лидия Васильевна получала от мужа порядка сорока миллионов, плюс поместье под Лондоном, плюс пакет акций одного из предприятий мужа.

Более же всего терзало сердце и душу миллиардера то (об этом я знаю не понаслышке, а от него лично), что у него нет наследника. Дочка-то двадцати двух лет имелась, но Таечка была особой, к жизни не приспособленной, анемичной, интересовавшейся то ли кельтской археологией, то ли древнеисландским эпосом, и о том, чтобы передать ей со временем бразды правления финансово-промышленной империей, не могло быть и речи. Да и Таечка внешностью

сильно походила на Лидию Васильевну, а о своей бывшей жене Витя не хотел и вспоминать, называя ее «мегерой» и «климактеричкой».

Ему требовался сын, а чтобы онный появился на свет, была необходима новая жена – молодая, красивая и без претензий. Я на такую роль не подходила. Поэтому, недолго выбирая, Максюта остановил свой выбор на той самой молодой итальянской модельке, с целования с которой весь сыр-бор и начался. Звали модельку Эстефания, и она оказалась даже не итальянкой, а испанкой, отчего-то проживавшей в Риме. Но все же Витя продолжал встречаться со мной – он всегда был бабником!

Виктор планировал устроить пышную свадьбу, дабы пустить всем пыль в глаза, а заодно нанести еще одну душевную рану экс-супруге. Именно с этой целью он решил праздновать бракосочетание не где-нибудь, а в замке герцога Уэстмондорского. Замок, возведенный еще предками герцога, опустошавшими набегами вместе с королем Ричардом Львиное Сердце Святую землю, находился аккурат супротив поместья Лидии Васильевны, что значило: во время веселья будет невозможно не услышать музыку, не увидеть фейерверк, не внять перезвону церковных колоколов. Да, таким он и был, покойный Витя, – мелочным, злопамятным и настырным. Одним словом, отнюдь не джентльменом.

Но до свадьбы, как хорошо известно, просто-напросто не дошло – Вите перерезали горло, а первой и единственной подозреваемой в совершении этого жуткого преступления стала я. Еще бы, ведь я, супермодель Арина Винокурова, была пассией злосчастливого олигарха.

Можно задаться вопросом: почему я вообще завела роман с Витей? Но тогда следует подчеркнуть, что вовсе не я, а он завел со мной роман. Собственно, я не имела ничего против: Максюта был мне симпатичен, в какой-то момент мне казалось даже, что я его люблю. Хотя до свадьбы у нас в любом случае не дошло бы – я узнала отрицательные черты характера Виктора и приняла решение, что придется с Максюткой расстаться. Да и делать мне предложение он не собирался – его устраивало наличие молодой, глупой и полностью зависимой от него невесты. Такие женщины ему и требовались – женщины, которыми можно помыкать и управлять.

Я же к разряду оных не принадлежала, что Витю злило. Но я пришла к выводу, что лучше синица в руках, чем журавль в небе. К чему мне статус супруги миллиардера, если деньгами все равно будет заправлять Виктор, а на меня будет возложена обязанность сопровождать его на приемах и рожать ему детишек? Против приемов я ничего не имела, а вот дети... Несмотря на свои тридцать лет, я еще не ощущала себя готовой к тому, чтобы стать матерью. И, честно говоря, не думаю, что вообще заведу когда-нибудь потомство – в конце концов, мой род не вымрет, так как две младших сестры уже вышли замуж и произвели на свет по сыну и дочке. Я же сполна наслаждалась жизнью и занималась совершенствованием своей карьеры.

Точнее, этим я занималась до недавнего времени, теперь же сидела взаперти в номере фешенебельного отеля на Лазурном Берегу, таранилась на свое отражение в зеркале и размышляла о прошлом и будущем.

* * *

Вздыхнув, я вышла из ванной и гольшом направилась в гостиную, где включила телевизор. Тема в новостях и ток-шоу была одна: убийство Вити. Никто, собственно, уже не сомневался, что злобной убийцей являюсь я. Все только обсуждали, сумею ли я выпутаться из неприятной истории и избежать заслуженного наказания.

Смотреть эту бодягу мне не хотелось. Пожалуй, на месте обьятых праведным гневом граждан наверняка я бы тоже требовала применения к подлой убийце миллиардера самого жесткого наказания. Ведь был убит не просто какой-то русский олигарх (подумаешь, потеря для Вселенной не бог весть какая), а тот самый человек, который обещал сделать Бертран на худой конец чемпионом Европы по футболу, а то и чемпионом мира. Крушение собственных

честолюбивых мечтаний люди никогда не прощают и уж точно не простят молодой, богатой и преуспевающей женщине, каковой я до сего дня являлась.

Я заказала в номер легкий ужин и бутылку белого вина. Попытаюсь утопить горе в вине... Забравшись с ногами в кресло и уставившись в панорамное окно, через которое открывался потрясающий вид на бухту княжества, я попыталась восстановить события той роковой ночи.

Что же тогда произошло? Может, я в самом деле убила Витю и должна понести за это кару? Но зачем бы я стала перерезать ему горло? В том не было совершенно никакого смысла! Мы выпили шампанского, а дальше... а дальше – как ножом отрезало. Хм, с учетом того, что именно ножом кто-то вскрыл Виктору Максюту сонную артерию, пришедшее мне в голову сравнение было более чем подходящим!

Нет, Витю я не убивала, все-таки я не забыла бы такого ретивого поступка. Самоубийством он жизнь тоже не покончил. Остается единственный вариант – кто-то убил Витю и пытается свалить на меня вину за свое ужасное преступление. Вот почему я отключилась, едва выпив шампанского, – там содержалось снотворное или какая-то иная гадость.

Я вскочила с кресла и принялась ходить по персидскому ковру. Думай, девочка, думай! Потому что за тебя это никто делать не будет – у судьи просто по определению нет мозгов, присяжные зомбированы, адвокату на мою судьбу наплевать – при любом раскладе он пришлет мне весомый счет, только в одном случае я получу его на своей вилле, а в другом – в тюремной камере.

Что ж, объяснение вполне логичное: Витя был убит, но не мной. Только, спрашивается, кем тогда? Кому выгодно подобное преступление? Ответа пока у меня не было. И тут мне стало ясно, что единственная для меня возможность спастись – это самой провести негласное расследование. Почему бы, спрашивается, и нет? Во время трансатлантических перелетов я читаю детективы и часто вычисляю, кто является убийцей, еще до того, как дойду до финала. Так отчего бы не попробовать заняться подобным в реальности?

Я отыскала блокнот и ручку с золотым пером и, снова оказавшись в кресле, начертала: «Список подозреваемых в убийстве Виктора Геннадьевича Максюты, осуществленного в ночь с 21 на 22 мая с. г.».

Затем под номером один я записала свое собственное имя, которое сразу же вычеркнула – я ведь убийцей точно не являлась, однако справедливости ради все же нужно было внести себя в оный список.

Под номером два я написала: «Враги». Словечко с весьма туманным значением. То, что у Вити имелись враги, сомнению не подлежало. Но какие именно? Я ведь не знаю всех обманутых им деловых партнеров и высокопоставленных чиновников, считающих, что Витя недодал им на взятках. Да и разве это повод для убийства?

Вот будь я на месте врагов Максюты, как бы я отправила олигарха на тот свет? При помощи наемного убийцы, разумеется. А тот застрелил бы Витю, или отравил бы, или на худой конец подложил ему в авто бомбу. Но перерезать горло! Больше похоже на выходку истеричной ревнивой дамочки. Вот и снова камень в мой огород – внешне убийство Вити выглядит как месть очень личного характера.

Ну как же я могла забыть! Под номером три я записала невесту и несостоявшуюся супругу Вити, ту самую испаноитальянку Эстефанию. У нее бурный латинский темперамент, особенно в постели: Витя успел поведать мне подробности их отношений. Но возникает вопрос – для чего модельке могло понадобиться резать Витю за месяц с небольшим до свадьбы? Было бы более логично, если бы она отправила его на тот свет сразу после свадьбы, хотя бы в первую брачную ночь. Тогда бы она стала вдовой и унаследовала бы гигантское состояние. А совершать убийство до бракосочетания для нее не имело смысла.

Но кто знает, что произошло между ней и женихом. Ведь они могли, к примеру, поссориться, и Витя мог заявить, что расторгает помолвку и берет в жены меня. Тогда у Эстефании

вполне был мотив – наказать неверного возлюбленного и заодно отправить меня, соперницу, на долгие годы в тюрьму. Поэтому напротив имени Эстефании я поставила жирный-прежирный крест.

Есть другие кандидатуры? К примеру, бывшая жена, Лидия Васильевна. Она наверняка затаила обиду на экс-мужа и способна была разработать план мести. Но что бы ей принесло его убийство? Вряд ли финансовую выгоду, а исключительно моральное удовлетворение. Но кто сказал, что Витю убили из-за бизнеса?

Да, Лидия Васильевна была подходящей кандидатурой. Хотя мне не верилось, что томная и изнеженная особа проникла в ту ночь на яхту и прихыкнула своего бывшего супруга. Около ее имени я поставила вопросительный знак.

Кто еще? А, как же, дочурка Вити и Лидии Васильевны, Таечка. Но нет, я и под пытками не смогла бы представить, что именно она убила папашу. Девушка хилая, пугливая, глуповатая, к тому же далеко не самая красивая. Это, конечно, не аргумент – среди убийц полно хилых, пугливых, глуповатых и не очень красивых. Только какой ей смысл резать папашу? Правильно, никакого. По моим сведениям, Таечка была с отцом в отличных отношениях, он ее обожал и души в ней не чаял, так что девчонке не имело смысла убивать его. Нужно вычеркнуть Таечку из списка подозреваемых.

Негусто получается, констатировала я с унынием. Из четырех пунктов два зачеркнуты, одна кандидатура находится под вопросом, а еще одна весьма расплывчата – «враги».

Так, кто мог убить Максюту еще? Ну, к примеру, какой-нибудь сумасшедший маньяк. Или маньяк несумасшедший. Почему бы и нет?

Я быстро записала слово «маньяк» под номером пять, понимая все же, насколько предположение шаткое. Ну зачем, скажите на милость, маньяку ухандокивать Витю? Понятно, что у маньяков свои критерии, которые нам, нормальным людям, так сразу и не понять, но какова вероятность того, что маньяк выбрал в жертвы миллиардера-олигарха? Вероятность была нулевая, поэтому пришлось с сожалением вычеркнуть и пятый пункт.

И что же остается? Прочитав исчерканный список, я поняла, что ни на йоту не продвинулась в своем импровизированном расследовании. Тоже мне, мисс Марпл ривьерская!

Понятное дело, что так же рассуждает и полиция. Точно так будут рассуждать и присяжные. Только с одним заметным отличием – мое имя они из списка не вычеркнут и сочтут меня наиболее подходящей кандидатурой на должность убийцы Вити.

В дверь вежливо постучали, и я, накинув шелковый халат, направилась в коридор – наверняка явился официант с моим заказом. Однако, открыв дверь, я убедилась, что это совершенно иной гость – на пороге стояла Эстефания, невеста покойного Вити. Испаноитальянка была в ультраузком черном платье и крошечной шляпке с вуалью – наверняка блюла траур по покойному жениху. Уж кого-кого, а ее я ожидала увидеть у себя в номере в последнюю очередь. О чем мне говорить с обманутой невестой?

Но у Эстефании были свои планы – она шагнула в номер. Проворно захлопнула дверь и, вцепившись в свою сумочку, по размерам похожую на хозяйственную плетенку, вскричала по-французски с явным испанским акцентом:

– Привет, шлюха! Наслаждаешься жизнью?

Начало было замечательным. Но разве я могла ожидать, что Эстефания ко мне хорошо настроена? Конечно же нет! Для нее я была разлучницей и противницей.

– Добрый день, – вежливо произнесла я, пятясь задом в комнату и не отрывая взгляда от неожиданной посетительницы. Видок у невесты был зловещий. – К сожалению, я сейчас ужасно занята. Может быть, зайдете в другой раз?

Рука Эстефании, зятанутая в черную кожаную перчатку, скользнула в сумку – и оттуда на свет божий появился крошечный пистолетик.

– Э, так и быть, проходите, – сказала я не очень-то гостеприимным тоном. – Только давайте обойдемся без рукоприкладства. Вы наверняка хотите получить объяснения? Так вот, могу вас уверить, что Витю я не убивала и у нас с ним почти ничего-то и не было...

Эстефания, направив на меня пистолетик, перебила:

– Молчи, подлая гадина! Я пришла сюда, чтобы убить тебя. Ты отняла у меня самое дорогое, что было в моей жизни...

– Ваши зеленые рейтузы? – брякнула я первое, что пришло в голову.

Эстефания заскрежетала зубами и перешла на испанский. Смысла ее пламенного выступления я не улавливала, понимала только отдельные слова наподобие «mierda»¹. Это она обо мне, решила я, продолжая по-рачьи пятиться в комнату, увлекая за собой и испаноитальянку с пистолетиком. Что делать в подобной ситуации? Кричать или визжать бесполезно, звукоизоляция в отеле «Фонтенбло» великолепная. Самое ужасное, что даже выстрел не привлечет внимания и Эстефания, прикончив меня, удалится восвояси, никем не замеченная и не задержанная.

Умирать так скоро, тем более от руки неуравновешенной Эстефании, в мои планы ну никак не входило. Она же продолжала что-то бубнить, то и дело повторяя свое любимое фекальное словечко и имечко Витья, которое она произносила на свой итальяно-испанский манер.

Я достигла стеклянного столика и поняла: все, дальше отступать некуда. Можно попробовать добраться до балкона и сигануть оттуда вниз, в бассейн, но так ведь можно и насмерть убится – все же сейчас мы находились на восемнадцатом этаже.

Эстефания, читавшая, как мне показалось, отходную молитву (звучали слова наподобие Jesucristo, Dios padre, amen), провозгласила, выставив руку с пистолетиком, дуло которого оказалось как раз на уровне моих глаз:

– Ты, подлая гадина, понесешь заслуженное наказание! На колени!

– Вы повторяетесь, – заметила я, все же падая на колени.

– За то, что ты отняла у меня Витю, я приговариваю тебя к смертной казни, привести в исполнение которую надлежит немедленно! – заявила Эстефания, ее палец лег на спусковой крючок и...

Раздался придушенный крик. Я увидела официанта, стоявшего в дверях, а подле него – столик на колесах с моим заказом. Эстефания на мгновение отвлеклась, и этого мне хватило, чтобы броситься на испаноитальянку. Полы халата распахнулись, и молоденькому официанту наверняка предстала соблазнительная картинка, но мне было не до того. Я повалила Эстефанию на ковер, одной рукой пытаюсь вышибить у нее пистолетик, а другой схватив за горло.

Но девица была увертливой, как кошка. Она укусила меня за руку, лягнула в живот, и я полетела на спину. Эстефания, подняв пистолетик, нависла надо мной, целясь из оружия, и я уже распрощалась с жизнью, но внезапно обманутая невеста покачнулась, издала кричающий звук и стала съезжать на бок – над ней возвышался официант с бутылкой белого вина, которую он опустил на голову Эстефании.

Вскочив, я бросила ему:

– Молодец, мальчик. Так ей и надо. Она ведь хотела убить меня! Вызови-ка директора и полицию!

Официант, белый как полотно, бросился прочь, а я подошла к зеркалу, дабы привести себя в порядок. Боже, в каком виде я предстала перед мужчиной! И вдруг я увидела отражение Эстефании – мерзавка поднялась с пола и снова целилась в меня. Раздался выстрел, и зеркало разлетелось на тысячи осколков.

Я отпрыгнула в сторону и залегла за диван, в то время как Эстефания выпустила еще две пули, застрявшие, к большому счастью, в обшивке дивана. Я осторожно выглянула из-за

¹ Дерьмо (исп.).

угла – Эстефания возилась с пистолетиком, пытаясь его перезарядить. Поэтому я вынырнула из-за дивана, схватила со столика изящную фарфоровую лампу в виде обнаженной женщины и бросилась с ней на Эстефанию. Испаноитальянка увидела меня слишком поздно, поэтому не успела оказать сопротивления, а я пару раз долбанула ее по черепу лампой, при этом расколовшейся.

Эстефания снова опустилась на пол, но на сей раз я тотчас отобрала у нее пистолетик и двинула остатками лампы по голове еще раз – так, на всякий пожарный, чтобы она опять не воскресла, как в дешевом триллере.

Но тут появился официант в сопровождении команды поддержки – директора, менеджера, двух дюжих охранников и так далее, и тому подобное. Я в изнеможении опустилась в кресло и потребовала себе что-то прохладительное и многоградусное. Директор стал выплясывать около меня, принося извинения, а охранники скрутили Эстефанию и поволокли ее к выходу.

– Мадемуазель Винокурофф, я тотчас распоряжусь подготовить для вас президентский номер. Разумеется, за счет отеля, – жужжал мне на ухо директор. – Только прошу вас сохранить этот пренеприятный инцидент в тайне.

Я, попивая мартини, только кивала головой. Президентский люкс так президентский люкс. Мне ведь придется задержаться в Бертроне еще на некоторое время, до вынесения приговора судом присяжных.

Мы пришли к соглашению, что оповещать общественность о случившемся не имеет смысла. В конце концов, это было и не в моих интересах, поскольку моя персона и так была в центре внимания желтой прессы. Однако я настояла на том, чтобы полиция была проинформирована – ведь Эстефания пыталась убить меня. А раз она оказалась на такое способна, то, значит, темпераментная девица могла быть причастна и к смерти Вити.

Директор заявил, что пришлет горничных и носильщиков, которые тотчас перенесут мои вещи в президентский люкс, я же, отмахнувшись от надоедливой типа, принялась названивать своему адвокату. Изложив с некоторыми драматическими преувеличениями имевшую только что место историю, я потребовала от него, чтобы он использовал свалившийся с небес подарок в стратегии моей защиты.

– И не говорите мне, что лучше всего сознаться в убийстве, которого я не совершала! – громыхнула я под конец беседы. – Сами видите, Эстефания чокнутая, так что вполне могла перерезать горло Вите. Давите на это, не мне вас учить! Предлагайте присяжным альтернативную версию преступления и сервируйте еще одну подозреваемую. В общем, отработайте те бешеные деньги, которые я вам плачу.

Довольная нагоняем, устроенным адвокату, я опустошила бокал с мартини, поднялась из кресла и сладко потянулась. Не все так плохо, как представлялось еще несколько часов назад. Эстефанией займутся, из нее вытрясут правду, она сознается в убийстве Вити. Правда, получается неувязочка – если его убила Эстефания, то тогда девица точно знала, что я не могу быть убийцей. Но почему же испаноитальянка пыталась покарать меня за смерть своего жениха?

Но сии антимионии меня не занимали – какая мне разница, кто отправится в тюрьму «Святая Берта»? Да хоть директор отеля, только не я сама! А когда моя честь будет восстановлена и репутация засияет, подобно бриллианту «Кохинор», эпизод с убийством Вити даже принесет мне неплохие дивиденды.

Я уже предвкушала, как будут пополняться мои швейцарские счета, – и вдруг что-то хрустнуло у меня под ногами. Вырванная столъ тривиальным образом из мира грез, я увидела, что наступила на осколки фарфоровой лампы, при помощи которой я вывела из строя воинственную Эстефанию.

Хорошо, что я была в легких тапочках, а не босиком, иначе пореза не миновать. Позвать горничных и велеть им тотчас убраться здесь? Какой смысл, если я сейчас перееду в президентский люкс!

Я стащила тапочку, стала извлекать из подошвы остроконечный кусочек фарфора и вдруг заметила на ковре что-то крошечное и темное. Неужели пуля или гильза? Я подняла маленькую штучку и рассмотрела ее. Хм, похоже на крошечный транзистор или что-то в таком роде. Наверное, деталь начинки настольной лампы. Стоп...

Воспоминания нахлынули на меня. Два года назад или около того в штаб-квартире фирмы, с которой я как раз заключала новый договор, были обнаружены подслушивающие устройства, причем произошло это в тот самый момент, когда мы согласовывали мой гонорар. Внезапно появились работники отдела охраны и, проверив комнату, извлекли откуда-то из плафона лампы крошечное устройство, оказавшееся, по уверению специалистов, «жучком». И то устройство, которое мне даже разрешили подержать в руках (разумеется, после того, как нейтрализовали), как две капли воды походило на штучку, поднятую сейчас с пола.

Я прошла с «транзистором» в ванную комнату, бросила его в унитаз, спустила воду и задумалась. Случайность или закономерность, что приборчик оказался в настольной лампе моего номера? Чтобы установить истину, я принялась методично исследовать обстановку. И обнаружила еще один точно такой же «транзистор» у себя в спальне, тоже в лампе, а потом подобные приборчики обнаружились на дне телефонного аппарата, за зеркалом в ванной и под торшером.

Сомнений быть не могло – это не запчасти каких-либо устройств, а приспособления для прослушки. Только кого могли здесь прослушивать? Может, какого-нибудь важного менеджера или главу компании, проживавших здесь ранее? А «жучки» просто забыли снять?

Я позвонила администратору, велела соединить меня с директором и пожелала узнать, кто занимал номер до меня. Оказалось, что последние две недели он пустовал. Значит, сделала я вывод, прослушать хотели одного человека – меня!

Но только зачем? И еще важнее – кто? Неужели журналисты обнаглели до такой степени, что напичкали мой номер подслушивающими устройствами, дабы узнать обо всех новостях и быть в курсе всего происходящего? Это не исключено, но маловероятно – все же если подобное станет известно, разразится грандиозный скандал.

Да и журналистам желтой прессы проще подкупить горничную или портье, и тот снабдит их первостатейной информацией касательно моей особы. Тем более что журналистам не нужна правда, им хватит слухов и собственных лживых историй. Им ставить меня на прослушку вовсе не требуется.

Последний из «жучков» я не успела уничтожить, и теперь вместо того, чтобы тоже смыть его в канализацию, принялась внимательно изучать. Никаких тебе «made in China», только несколько крошечных букв и цифр – СТЖ-329/77.

И что это мне дает? Похоже на серийный номер или что-то в таком духе. Но на производителя и тем более на покупателя «жучка» я, не обладавшая требуемыми контактами, выйти не смогу. И, выходит, мне тогда никак не узнать, кто и с какой целью решил меня прослушивать.

Но все же я смогла выудить кое-что из странного приборчика!

Номер, выбитый на «жучке», мне ничего, конечно, не говорил. Хотя если пораскинуть мозгами... Он говорил очень даже многое – ведь последняя буква в нем была Ж!

Цифры есть цифры, они по всему миру одинаковы, а вот буквы в русском и латинском алфавите все же отличаются. Вернее, есть ряд букв, в обеих азбуках совпадающих, но имеются и буквы, которых в другом алфавите просто не существует, – например, латинские R, Z, W или русские Ф, Ы. К числу таковых относится и буква, по наличию которой в России до сих пор можно определить, где находится женский туалет, – Ж. И буква эта присуща как раз русскому,

но никак не латинскому алфавиту. А ведь находилась я в Европе, в княжестве Бертран, где все говорят по-французски! А под боком – Италия да Швейцария!

Так откуда же в отеле «Фонтенбло» на Лазурном Берегу взялось подслушивающее устройство, произведенное, по всей видимости, в России? Если кто-то решил раздобыть мои секреты, так неужели стал бы покупать русский «жучок»? Ведь здесь навалом и своих приспособлений!

Не исключено, разумеется, что русские подслушивающие устройства дешевле европейских и американских, почему им и отдают предпочтение даже за рубежом. Да и мы вроде бы не только в области балета, но и по количеству празднующихся олигархов и шпионской техники все еще впереди планеты всей, поэтому изделия российского военпрома могут пользоваться повышенным спросом.

Но все это звучало как-то неубедительно. И мне не давала покоя мысль, что русские «жучки» как-то связаны с убийством русского же олигарха Максюты. Интересно, я все еще на подслушке? Скорее всего, да. Поэтому я дико завопила прямо в «транзистор», надеясь, что у того, кто меня ведет, лопнут барабанные перепонки. И только потом с чувством выполненного долга спустила последний из обнаруженных «жучков» в канализацию.

Засим последовало мое переселение в президентский люкс, где я первым делом раскрутила лампы, осмотрела тыльные поверхности зеркал и телефонных аппаратов и убедилась: «жучков» там нет. Значит, я не впала в маразм и не страдаю манией преследования.

Депримирировало только одно – то, что из окна президентского люкса, выходящего в отличие от моего бывшего номера на юг, можно было видеть в том числе и старинный замок на скале посередине бухты – тюрьму, в которой мне, в случае признания виновной, уготовано провести долгие годы. Как минимум одна русская здесь уже сидела – какая-то шпионка, дочка посла, арестованная за шпионаж то ли в семидесятые, то ли в восьмидесятые годы. Бедняжка, имени которой я так и не вспомнила, умерла в тюрьме от аппендицита². Неужели и мне грозит подобная участь? О, боги, боги, за что вы играете мной, словно я кукла какая-то!

Опустив на окнах жалюзи, я снова приказала принести себе в номер обед, с большим аппетитом откушала, а затем меня навестили представители полиции, задавшие несколько вопросов касательно нападения на меня Эстефании. Я сгустила краски, выставила испаноитальянку сущим монстром и открыто заявила:

– Вот видите, она пыталась убить меня! Значит, она также могла и перерезать горло господину Максюте. Не понимаю, почему вы вцепились только в меня, хотя вокруг полно подозреваемых!

Полицейские промямлили что-то касательно алиби у Эстефании на момент убийства Вити, но я парировала:

– Любое алиби можно поставить под вопрос! Вы должны взяться как следует за эту истеричную особу, иначе может создаться впечатление, что вы намеренно хотите свалить всю вину на меня, потому что я – русская!

Мысль была отличная. И хотя мною было обещано директору отеля соблюдение конфиденциальности, я тотчас позвонила своему адвокату – бездельник как раз играл в гольф, вместо того чтобы работать над снятием с меня обвинений! – и велела созвать журналюг сегодня вечером в какой-нибудь уютный ресторан.

Пресс-конференция превзошла все мои самые смелые ожидания. Журналистов на нее собралось никак не меньше двух сотен, многим из «акул пера» просто-напросто не хватило места в зале ресторана, поэтому они были вынуждены толпиться в коридоре. Прекрасно помню вытянутые физиономии этих субъектов, когда я завела речь о том, что сама едва не стала жерт-

² О невероятной судьбе Татьяны Полесской идет речь в романе Антона Леонтьева «Шпионка, пришедшая с севера», издательство «Эксмо».

вой убийства. Еще бы, ведь им так страстно хотелось, чтобы я, рыдая и плача, размазывая по лицу помаду и глотая сопли, принародно призналась в том, что перерезала горло Вите...

О подслушивающих устройствах я специально не стала распространяться, потому что улики у меня не было, да и сказать было нечего. Но для себя я приняла твердое решение довести свое расследование до конца, чего бы мне это ни стоило. В конце концов, какая у меня имеется альтернатива возможности оказаться за решеткой на долгие годы?

Даже мой бездельник-адвокат воспрял духом и впервые за последние дни перестал петь песню о том, что лучше всего – явка с повинной. Кажется, даже он понял, что я не причастна к убийству.

Ресторан мы с ним покинули через черный ход, и в отель я вернулась в прекрасном расположении духа. Зато директор «Фонтенбло», попавшийся мне на пороге, был далеко не в радужном настроении – с его точки зрения, я опорочила честь отеля. Он одарил меня взглядом, полным презрения, и даже отвернулся, сделав вид, что меня не заметил. Ничего, переживу как-нибудь фунт презрения со стороны этого ничтожества. Речь идет о моей собственной шкуре, а спасение утопающих, как известно, в первую очередь дело рук самих утопающих.

После напряженного дня, в течение которого меня отпустили под залог двух миллионов евро и едва не пристрелили, я решила немного вздремнуть. И отдых, клянусь, пошел мне на пользу. Вот только снилась всякая чушь. И, помнится, во сне я отчего-то была уверена, что разгадка смерти Вити очень проста и что я практически нашла убийцу. Сердце мое переполнилось счастьем, и в тот самый момент, когда я хотела на пресс-конференции назвать его имя, меня разбудил настойчивый стук в дверь.

Испытывая дежавю, я осторожно подошла к створке и посмотрела в глазок, сказав себе: мне надо быть очень осторожной. Кто знает, может, Эстефанию выпустили? Или она сбежала и вновь заявила, дабы прибить меня, на сей раз при помощи вязальной спицы или сковородки.

Однако испаноитальянки я не увидела, зато лицезрела миниатюрную блондиночку с большими синими глазами и чувственным ртом. По ту сторону двери стояла дочка покойного Вити, Таечка. Мне приходилось несколько раз общаться с ней, и, помнится, она была трезво-мыслящая девица без заскоков. Только что она делает на Лазурном Берегу? Обычно-то ведь находилась в Англии.

Я приоткрыла дверь и спросила:

– Ты же не пришла меня убивать?

Таечка остолбенело уставилась на меня, а затем выдавила из себя:

– Нет, что ты! Мне просто нужно поговорить с тобой.

Я впустила ее в номер и закрыла дверь. Таечка красотой не блистала, представляла собой тип интеллигентной девицы-ученой. Насколько мне было известно, ухажеров у нее не было.

Таечка была одета просто, но со вкусом, без кричащей роскоши. Похоже, она относилась к такому разряду людей, которые могли себе позволить наплевать, вернее, с полным равнодушием относиться к деньгам. Конечно, когда у твоего папы куча миллиардов в свободно конвертируемой валюте, негоже быть стяжательницей.

– Я видела твое выступление на пресс-конференции, – сказала Таечка и замялась. – Ты упомянула, что начинаешь собственное расследование. Это так?

Я пригласила ее пройти в гостиную и предложила напитки. Таечка была чем-то взволнована, и наконец-то до меня дошло – а как бы чувствовала себя я, если бы моего отца убили несколько дней назад и мне бы пришлось отправиться на разговор с его любовницей, подозреваемой в совершении сего злодеяния?

Таечка сняла очки, еще больше портившие ее физиономию, и произнесла:

– Ты наверняка задаешься вопросом, что я здесь делаю... и почему я решила навестить тебя... Ты права, Ариша. Ой, ты ведь не против, что я называю тебя на «ты»?

Я только махнула рукой – уж мне-то точно было сейчас не до придворного этикета. Я подала Таечке бокал минеральной воды, и она жадно осушила его до дна. Мне стало ясно, что поход ко мне дался девушке совсем нелегко.

– Мама не знает, что я здесь, – сказала она тихо. – И не надо знать ей. У нее очень слабое сердце. Впрочем, неудивительно. После всего, что произошло...

Таечка так буднично говорила об ужасных вещах, что мне стало не по себе.

– А я ведь люблю их обоих, – продолжала девушка. – И папу, и маму. Мне кажется, внезапное богатство все только испортило. Я помню еще времена, когда мы были вполне обычной семьей и жили в двухкомнатной квартире в Питере. Потом все разительным образом переменялось, когда папа пошел в бизнес, а затем стал миллиардером и олигархом...

В ее словах было много неприкрытой грусти. Что ж, если ты миллиардер, то должен соблюдать ряд незыблемых правил. Вот интересно, получается, что деньги больше сковывают человека, чем дарят свободу? Да, в моем случае это фигуральное выражение могло обрести печальное прямое значение – меня могут признать виновной только из-за того, что я богата, знаменита и еще относительно молода и состояла в интимной связи с олигархом.

– Я верю, что ты не убивала папу, – просто произнесла Таечка.

В душе у меня немедленно расцвели ромашки и лютики. Ну наконец-то нашелся единственный человек, который мне верит! Странно только, что этот человек – дочка убитого.

Девушка сама пояснила свою мысль:

– Наверное, я должна тебя ненавидеть. Однако, собственно, отчего? Ни мне, ни маме ты ничего плохого не сделала, а кроме того, благодаря твоим показаниям Эстефания окажется за решеткой.

«Ага, вот, оказывается, где собака порылась...» – усмехнулась я. Похоже, Таечка действует по схеме «враг моего врага мне друг». Но и на том спасибо!

Внезапно моя гостья разрыдалась, и пришлось подать ей платок и долго успокаивать, глядя по волосам и спине. Наконец, громко высморкавшись и извинившись, девушка заговорила вновь:

– Я все не могу свыкнуться с тем, что папы больше нет. Хоть он и причинил маме много горя, но он ведь мой отец. Как же хорошо было раньше! У него всегда было для меня время! Он вместе со мной ходил на каток, по субботам мы посещали кинотеатр, он сопровождал меня в секцию по плаванию и даже занимался со мной макраме.

Надо же, оказывается, у моего убитого любовника были скрытые достоинства, о которых я и понятия не имела. Виктор Геннадьевич Максютя, миллиардер и олигарх, занимался с дочкой макраме! Да, чужая душа потемки...

– А затем все внезапно закончилось, и папа стал редко появляться дома, – вздохнула Таечка. – Его окружали молодые длинноногие манекенщицы и большегрудые секретарши. О, мы в одночасье стали жить намного лучше, у нас появился собственный особняк, сначала под Питером, затем в Москве, на Рублевке, а потом и недвижимость за рубежом. И вереница автомобилей, и куча дорогих платьев у мамы, как и сейф, забитый драгоценностями. И выводок слуг и телохранителей. И...

Таечка опять тяжело вздохнула и, помолчав, добавила:

– Мне часто снится прежняя жизнь. Тогда было так хорошо и спокойно. И папа любил маму, и все были счастливы. И он был жив...

Ну что же, похоже, от меня требовалось внимать рассказу дочери олигарха о том, как плохо ей живется на свете и что деньги – самое большое зло в нашей Вселенной. Как, впрочем, и во всех остальных. Жаль только, что скулить и жаловаться по поводу кошмарной жизни в золотой клетке могут позволить себе только те, у кого имеется в заглазнике определенная сумма с шестью, а то и с девятью нулями. Думается, что обычные люди вряд ли смогут понять Таечку и ее проблемы. Они бы с радостью продали Вельзевулу душу с потрохами, предложив

еще души всех родственников, соседей и сослуживцев в придачу, лишь бы обрести то, что имелось у семейства Максюты.

– Но хуже всего стало, когда в жизни папы появилась Эстефания, – призналась дочь олигарха. – Мерзавка с самого начала поставила перед собой цель охмурить папу и женить его на себе. Я пыталась с ней поговорить, вразумить ее, даже умоляла не разрушать нашу семью, но она только в лицо мне захохотала и заявила, что с радостью выйдет замуж за моего отца и приберет к рукам все его миллиарды. Представляешь, так и заявила!

– Ну, теперь Эстефания окажется в тюрьме, – сказала я. – И кто знает, может, она и правда убила твоего отца!

Таечка покачала головой.

– Я так не думаю. Хотя, не скрываю, мне бы этого очень хотелось. Я верю, что ты, Арина, к смерти папы не причастна. Поэтому и пришла к тебе. Ты ведь вела речь о собственном параллельном расследовании... Так вот, мне очень хочется узнать, кто же убил моего папу!

Я снисходительно посмотрела на Таечку.

– Все же пусть лучше полиция ведет следствие. Или можно нанять частных детективов.

– Нет, я хочу сама докопаться до подоплеки убийства моего отца, – заявила Таечка, и в ее больших глазах блеснули слезы. – Полиции я не верю – она быстро повесила убийство на тебя, не желая проводить настоящее расследование. К частным детективам я тоже не испытываю особого доверия.

Что ж, девочка явно не дура, отметила я про себя. Только она не знает, что на пресс-конференции речь о собственном расследовании я завела для остротки. Таечка, похоже, поверила в то, что я в действительности буду разыскивать убийцу Вити. Но с другой стороны – почему бы и нет?

– Позволь спросить, почему ты веришь в то, что я не убийца? – вырвалось у меня. – Ведь никто до недавнего времени в этом не сомневался. Меня обнаружили с ножом в руке около трупа твоего отца, а больше на яхте никого не было.

Таечка раскрыла сумку и вынула оттуда несколько писем.

– Ознакомься с ними, – произнесла она. – И, думаю, ты поймешь.

Конверты были белые, продолговатые. Почтовые штемпели были разные – Франции, Германии, Бельгии, а содержание одно и то же – посередине листка жирным черным шрифтом напечатана одна-единственная дата: «4 августа». Под ней находилось имя – Виктор Максюта. Имя было перечеркнуто.

– Странные послания, – заявила я, сверяя даты на штемпелях. – Приходили с недельным промежутком. Но что произошло в этот день – четвертого августа?

Таечка пожала плечами.

– Не могу сказать, потому что не знаю. Однако последнее письмо папа получил накануне своей гибели. И я как раз была у него в гостях – пыталась отговорить если уж не от женитьбы на Эстефании, так, во всяком случае, от проведения церемонии около поместья, где живет мама. Мы как раз завтракали, когда дворецкий принес утреннюю корреспонденцию. Причем папа сразу же выделил этот конверт из числа других...

Я взглянула на конверт – там стоял адрес бертранской виллы Виктора Максюты. А витиватый заголовок гласил: «Староникольский союз».

– Гм, что это еще значит? – пробормотала я. – Это что, какая-то организация наподобие Римского клуба или Международного валютного фонда?

– Я уже пыталась узнать, навести справки, смотрела и в Интернете, но ничего не нашла, – ответила Таечка. – Если организация, то частная и хорошо законспирированная. Знаешь, почему я вообще обратила внимание на письмо? Папа, увидев его, переменялся в лице, разорвал конверт и прочитал то, что было напечатано на листке. А затем он просто поднялся из-за стола и удалился прочь, заявив, что аппетита у него больше нет. Но что меня поразило больше

всего – он испугался. Да, уверяю тебя, Ариша, он испугался. Я никогда в жизни не видела отца напуганным. Даже когда однажды на нас напала свора бездомных собак, мы как раз шли из бассейна домой поздней осенью. Тот случай произошел еще в те благословенные времена, когда мы жили в Питере и были вполне нормальной советской семьей...

– Он что-нибудь сказал по поводу письма? – поинтересовалась я.

– В том-то и дело, что ничего! Потому я так и удивилась. Когда я через некоторое время осторожно завела разговор о послании, отец заявил, что это проделки какого-то идиота, а затем попросту сменил тему. Вот и все.

Ага, проделки идиота... Как информативно! Но что бы это могло значить? Что за Старо-никольский союз? И почему Витя так напугался? Конечно, есть вероятность, что Таечка чего-то не поняла или преувеличивает, но я почему-то поверила ее рассказу.

– Я бы не придавала тому разговору особого значения, если были не смерть папы, последовавшая на следующий день, – продолжала девушка. – Но и потом я не сразу вспомнила о нем. А только после того, как нашла в закрытом ящике папиного письменного стола письма – пять штук. Отец почему-то не уничтожил их, а хранил под замком. Значит, он считал их важными.

– Может, послания закодированные? – спросила я после некоторого раздумья. – Ну, как в «Пляшущих человечках». Только зачем кому-то посылать твоему отцу письма с шифром? Не вижу смысла.

– Обрати внимание на подчеркнутое имя отца. Как будто кто-то заранее предупреждает его о том... о том, что собирается убить его! Но при чем тут четвертое августа, я не знаю.

Проще всего было бы завершить разговор и мило попросить Таечку оставить меня в покое. В конце концов, у меня масса своих проблем. А тут еще какие-то тайные общества и маловразумительные послания...

Но я никогда бы не простила себе, если бы упустила возможность собственными силами найти убийцу. Отчего-то я была уверена, что письмо изготовлено и отослано тем человеком, который лишил Виктора жизни. И Таечка, как я поняла, тоже не сомневалась.

– Я бы рассказала обо всем маме, но она так не приспособлена к жизни, – вздохнула девушка. – И у нее больное сердце! Поэтому я и пришла к тебе, Ариша. Странно, конечно, что я обращаюсь за помощью к любовнице своего отца, однако... – Таечка замаялась и вдруг выпалила: – Ты мне симпатична, ведь ты не такая безжалостная и бессердечная, как Эстефания! К тому же ты гораздо умнее ее! Если отцу и нужно было жениться во второй раз, так только на тебе!

«Спасибо за комплимент, малышка, – подумалось мне. – Однако предложение Витя сделал вовсе не мне, а именно Эстефании. Умные женщины богатым мужчинам не требуются, им нужны безмозглые барби. А что бы я ответила на предложение Вити стать его женой, если бы он его сделал? Приняла бы или нет? Что уж теперь размышлять... Теперь если он и предложит мне руку и сердце, так только в следующей жизни».

– Ты же хочешь снять с себя подозрения и найти подлинного убийцу? – спросила Таечка, затронув тайные струны моей души. – Значит, у нас одна и та же цель! Так почему бы нам не объединить усилия и не заняться расследованием совместно?

Что же, ее предложение не было лишено здравого смысла. Только вот зачем мне нужна такая, мягко говоря, непутевая помощница, как Таечка? Хотя у каждого великого детектива имеется свой придурковатый сопровождающий. Таечка вполне подойдет на эту роль. Кроме того, дочка Вити располагает важными сведениями и, что еще занятнее, имеет доступ к экс-супруге Максюты. А поговорить с ней было бы интересно.

– Ариша, ты можешь спросить меня, почему... почему я хочу найти убийцу моего отца... – Таечка еле сдерживала слезы. – Я отвечу. Да, он был далеко не идеальным родителем, и над мамой он издевался. Однако... однако он был моим отцом! И я его любила! И до сих пор нежно люблю...

Причины, побудившие Таечку заняться расследованием, мне были вполне понятны, я бы сама на ее месте поступила точно так же. Конечно, сейчас я могла отказаться, сославшись на то, что дело полиции разыскивать виновного, но ведь уже на собственной шкуре убедилась в том, что полиция не проявляет особенной прыти. Так что придется, кажется, и правда действовать самой. Вернее, в обществе Таечки. Девушка она, судя по всему, неплохая, хотя и не семи пядей во лбу. Ну, не каждому повезло, как мне, родиться и красивой, и умной, и доброй!

Поэтому я извлекла свой список подозреваемых и передала его Таечке. Та, изучив его, залилась стыдливым румянцем и спросила:

– Значит, меня с мамой ты тоже причислила к потенциальным убийцам?

– А как же, – ответила я снисходительным тоном заправского сыщика. – Ведь если умирает богатый, а в случае с Виктором Геннадьевичем (я умышленно не стала именовать покойного «Витей», дабы не травмировать психику Таечки) – очень богатый мужчина в самом расцвете сил, то возникает вопрос – кому его смерть выгодна. В первую очередь – наследникам покойного, конечно же! А ведь вы его семья, хотя бы и бывшая.

Таечка нахмурила лоб.

– Ах, понимаю, если убивают миллиардера, то его бывшая жена, с которой он к тому же не так давно развелся, причем весьма шумно, и его единственная дочка автоматически попадают под подозрение. Только вот что я скажу тебе, Ариша: капиталы отца мне не нужны.

У меня мелькнула странная мысль, и я высказала ее вслух:

– А Эстефания, случаем, не беременна? Тогда бы стало понятно...

Я не закончила начатую фразу, потому что Таечка указала на экран плазменного телевизора, находившегося на стене, – он работал, картинка бежала, а вот звук я выключила еще до прихода девушки.

Возникло изображение старинного здания суда княжества, на пороге которого стояла Эстефания, вся в черном, а около нее целых три или даже четыре адвоката. Вокруг них прыгали и дергались репортеры, фотокорреспонденты.

Я включила звук, и до нас донеслось:

– Лживые наветы подозреваемой в убийстве месье Максюты супермодели Арины Винокурофф комментировать мы не намерены. Незыблемым фактом является тот, что именно мадемуазель Винокурофф пыталась лишить жизни нашу клиентку, когда та посетила ее в отеле...

– Что?! – воскликнула я. – Да они, кажется, все спятили окончательно! Эта мырма в меня стреляла, а я, оказывается, во всем виновата?!

– Наша клиентка была вынуждена прибегнуть к самообороне, дабы защитить свою жизнь от посягательств мадемуазель, поэтому выстрелила не более трех раз из миниатюрного пистолета, который у нее случайно оказался с собой...

– Случайно! – заметила я желчно. – Да эта Эстефания стреляет лучше всякого снайпера! Едва меня не уколошила, а теперь давит на жалость!

– Подобное стрессовое состояние нашей клиентки объяснялось не только тем, что она подверглась неслыханным оскорблениям со стороны мадемуазель Винокурофф, угрожавшей ей физической расправой, но и тем, что... – Адвокат, как две капли воды похожий по своим повадкам и манере излагать мысли на моего защитника, на мгновение смолк, а затем продолжил: – Тем, что наша клиентка ожидает ребенка. Причем отцом одного является не кто иной, как покойный месье Максюта.

Вот это да! Ну и прыткая же она, наша испано-итальянка! Как все предусмотрела!

Пересказывать то, что еще говорилось на импровизированной пресс-конференции, не имеет смысла – мне было достаточно торжествующего и самодовольного взгляда Эстефании, чтобы понять: именно она, змея, уколошила Витю, подставила меня, а теперь пытается загрести миллиарды.

– Не может быть! – в один голос воскликнули мы с Таечкой и переглянулись.

– Уж как-то слишком быстро она сумела забеременеть, – засомневалась я. – Дело, с одной стороны, нехитрое, но почему такой отличный тайминг?

– Она хочет добраться до папиных миллиардов! – запальчиво произнесла Таечка. – И я ей не верю! Она ведь узнала о том, что беременна, не сегодня, судя по заявлениям ее адвокатов, а чуть ли не месяц назад. Так почему же скрывала от папы? В ее же интересах было рассказать ему!

О, вопросов у нас было гораздо больше, чем ответов. Надо отдать должное Эстефании и работавшим на нее юристам – благодаря такому незамысловатому ходу они отвлекли внимание общественности от факта покушения на мою драгоценную жизнь (подумаешь, едва не убили убийцу!) и сфокусировали все восторги на беременности невесты погибшего олигарха.

– Ну вот, собственно, и все! – воскликнула я зло. – Наше расследование подошло к концу, даже не успев начаться. Эстефания, и в том нет никаких сомнений, является убийцей. Так что можно забыть о письмах и прослушивающих аппаратах. Вот он, человек, лишивший тебя папочки!

Я вытянула длань, указывая на экран телевизора. Однако репортаж с места событий уже закончился, и теперь показывали Хилари Клинтон.

Но Таечка прекрасно поняла, что я имею в виду, и медленно проговорила:

– Ариша, думаю, ты права. Это самое простое предположение и в то же время наиболее подходящее. Только как нам вывести прохиндейку на чистую воду? Она ведь наверняка не сознается в содеянном! И будет разыгрывать из себя несчастную без пяти минут вдову.

– А еще, не исключая, всплывет документ, согласно которому твой отец и Эстефания уже заключили брак, – добавила я. – Девица и не на такое способна, чтобы добраться до денег. И почему люди так стремятся заполучить миллиарды? Разве деньги прибавят счастья?

Рассуждать о сребролюбии современников не имело смысла, и мы с Таечкой принялись разрабатывать детальный план. Мы были едины во мнении, что сама Эстефания напрямую к убийству Вити не причастна – кишка у нее тонка, чтобы перерезать кому-то горло. Да и не справилась бы она с таким дюжим мужчиной, каковым был Максюта.

– У нее должны быть помощники, – заключила я. – И тут вариантов не так уж много: или нанимается киллер и он за умеренную плату выполняет заказ, или привлекаются родственники, которые будут держать язык за зубами, а за совершение злодеяния получают определенную мзду. С учетом жестокости преступления можно сказать, что действовал мужчина. Не пойму только, как они все это обтяпали? Мы ведь с Витей... Я хотела сказать, с Виктором Геннадьевичем были на яхте одни... Яхта находилась на рейде, милях в полутора от берега...

Таечка только щелкнула пальцами.

– За яхтой всегда можно следить, а также за тем, кто поднимается на борт и имеется ли кто-либо из команды. Они увидели, что в море ушли только вы вдвоем, поэтому решили действовать. Подплыли, подобно пиратам, на лодке к яхте, забрались на борт и осуществили свое черное дело...

Я с сомнением покачала головой.

– Но мы бы обязательно их услышали!

– Вовсе нет. Потому что они загодя позаботились обо всем, – возразила Таечка. – Ты же сама говорила, что вы пили шампанское. А вино находилось на яхте, следовательно, в него могли заранее добавить снотворное или наркотик. Ты и папа отключились, и у преступника или преступников было время, чтобы обставить все как нужно.

Я с уважением посмотрела на Таечку.

– Отличная версия! А ведь остолопы в полиции даже не проверяли мою кровь на содержание наркотических веществ. Можно, конечно, сделать анализы и сейчас, но прошло уже три дня...

– Наличие в твоей крови следов наркотика или снотворного ничего не докажет, – заметила Таечка, и я поняла, что девушка права. – Они ведь могут сказать, что ты приняла что-то уже после совершения убийства или за несколько дней до него.

– Конечно, если я убийца, то к тому же наркоманка и алкоголичка, – простонала я. – Нет, так я этого не оставлю. Из Эстефании надо выбить признание, причем любым способом!

Тут же я представила себе, что пытаю каленым железом испаноитальянку, и ни на секунду не ощутила терзаний совести. Она, правда, беременная, но кто знает, от кого у нее ребенок в действительности!

– Эстефания будет молчать, – возразила Таечка. – Да и до нее сейчас не добратся, ее охраняют, как королевские регалии в Тауэре. Но, собственно, Эстефания нам и не нужна, а требуются только ее помощники. И, думаю, нам не придется их долго искать. У разлюбезной Эстефании имеется шестеро братьев. И все они – что за совпадение! – находятся сейчас в Бертроне. Сначала Эстефания вытягивала из отца на них деньги, а потом решила, что лучше всего устранить папу и заполнить его состояние целиком!

Все выходило как нельзя более складно – и тайна гибели Вити разрешилась. Если бы действительно все в нашем подлунном мире могло так быстро объясняться...

Мы приняли решение – за Эстефанией и ее родственничками необходимо установить слежку. Они непременно допустят ошибку, что позволит вывести их на чистую воду. И тогда им не поздоровится. О, я была полна жгучей ненависти к испаноитальянке! Ведь она не только убила Виктора, но и подставила меня под удар, изображая меня этакой маньячкой. Ну ничего, отольются кошке мышьи слезки...

* * *

После того как Таечка ушла, я принялась названивать своим знакомым – и почти все делали вид, что страшно рады меня слышать, хотя в действительности их интересовало одно: как мне удалось остаться на свободе. Вскоре я располагала нужной информацией – Эстефания остановилась в отеле «Империял», и там же проживали ее братишки. Что за трогательное единение! Прямо-таки настоящий семейный бизнес. Вернее, подлинная мафиозная структура. Вот они, жители юга Европы, всегда проделывают разные делишки во благо мифического родственного духа. А в действительности все банально, как швейцарский сыр, – там правят бал деньги, Эстефания просто хочет прибрать к рукам несметное состояние Вити.

Отель мне удалось покинуть незамеченной, и в том мне помогла все та же Таечка. Она снова навестила меня и притащила ворох своей собственной одежды – девица была намного ниже меня ростом и гораздо шире в талии, но пришлось смириться. Потом я повозилась перед зеркалом, стараясь как можно сильнее исковеркать свою красоту, и получилось отменно – я нахлобучила заготовленный Таечкой парик, нацепила солнцезащитные очки и поразила тому, что из зеркала на меня смотрит отражение женщины средних лет, несколько обрюзгшей и далеко не самой привлекательной. А что, если и мне предстоит превратиться в точно такую особу всего через несколько лет? Когда-то ведь мой век модели закончится, и что тогда придет на смену моей работе?

Венцом всего стало кресло-каталка, припасенное Таечкой. Сначала мне очень не хотелось садиться в него, но все же меня можно было вычислить, даже переодетую и загримированную, по высокому росту. А журналисты все еще торчали около отеля, причем оккупировали не только центральный, но и два черных хода. И они понимали, что я могу покинуть отель, переменяв одежду и внешность.

Посему я погрузилась в кресло и позволила накрыть себя пледом, а Таечка порулила к лифту. Я все боялась, что журналисты вычислят нас, однако все обошлось – на Таечку никто не обратил внимания, потому что дочь олигарха никого не интересовала. Да ее и не знал никто

в лицо, так как она всегда держалась в тени. Я же до такой степени не походила на себя, что ушлые репортеры должны были заподозрить что-то неладное, но они оказались настолько туповатыми, что только проводили нас ленивыми взглядами, тотчас потеряв всяческий интерес к невзрачной девушке, везущей в кресле-каталке столь же невзрачную даму.

Когда мы оказались на соседней улице, я осторожно поднялась из кресла, которое Таечка оставила около ограды одной из вилл, и мы вдвоем направились к отелю, в котором проживали Эстефания и ее братишки. Таечка по пути рассказала о том, что ей удалось узнать. Помимо шести братьев, в Бертран в срочном порядке прибыли мамочка и папочка Эстефании, а также ее тетки и дядьки. Они наверняка решили созвать семейный совет, чтобы принять решение, как быстрее завладеть Витиными деньгами.

– И я подумала: нам необходимо побывать у них в номерах и выяснить, что к чему, – провозгласила Таечка, и я не могла с ней не согласиться. Только как это проделать?

Помог нам случай – в отель мы прошли беспрепятственно, хотя и там около входа дежурили журналисты. Причем их было даже больше, чем около моего отеля, и я слегка обиделась. Еще вчера я была главной персоной в новостях, а теперь, получается, Эстефания спихнула меня с трона и заняла его сама? Что же, трудно вообразить себе ажиотаж пишущей братии, когда Эстефанию и ее подельников арестуют.

Они занимали целый этаж, последний, самый дорогой. Откуда у Эстефании деньги? Наверняка ей уже удалось что-то утащить у Вити. Ничего, недолго ей нежиться в роскоши и богатстве!

Мы прогулялись по нижним этажам и наткнулись на тележку горничной – та убирала номера. Нас более всего заинтересовала связка ключей. Воровато оглядываясь, я стянула ее с тележки и исчезла за поворотом коридора.

Далее мы вскрыли подсобное помещение, в котором хранилось чистое белье, в том числе и униформа горничных. И, переодевшись и вооружившись швабрами, отправились на дело. Эстефании и ее родственников в отеле не было – они где-то пировали, отмечая собственный триумф, что было нам только на руку.

Открыв номер злодейки, мы проникли внутрь. Я бросилась к письменному столу, а Таечка стала копошиться в белье и одежде. И почти сразу я наткнулась на кое-что интересное – в большом конверте в ящике стола лежали снимки, причем не простые, а ультразвукового исследования. На них можно было явственно различить зародыш. Вот те на! Оказывается, эта дрянь в самом деле беременна!

– Поздравляю, у тебя скоро появится братишка, – сказала я саркастически, обращаясь к Таечке.

Та, рассмотрев снимки, озадаченно произнесла:

– Но как же так, Ариша...

– Такие дела очень просто делаются! – ответила я. – Неужто не знала?

И все же, сознаюсь, новость не пришлась мне по нраву, даже под ложечкой засосало, а в ушах зашумело. Какая же Эстефания расторопная, обо всем подумала! Ну ничего, от справедливого и как можно более жестокого возмездия ей не уйти!

Нижний ящик стола была заперт, а мне не терпелось узнать, что же в нем лежит. Кто знает, возможно, прямое доказательство причастности испано-итальянки к убийству. Поэтому, недолго думая, я при помощи ножа для разрезания бумаг вскрыла ящик, но так неловко, что лезвие поломалось, а замок треснул.

– Ариша, они ведь теперь поймут, что в номере кто-то был, – сказала жалобно Таечка, но я только плечами пожала.

– И что с того? Пусть знают, что они на примете. Тем более они наверняка подумают, что это проделки наглых репортеров.

В ящике лежал кожаный портфель, который закрывался на кодовый замок. И к чему такие меры предосторожности? С портфелем пришлось повозиться, однако удалось открыть и его – и у нас в руках оказались пачки денег – евро, доллары и швейцарские франки. Сумма была огромной, наверняка больше двухсот тысяч евро в общей сложности.

– Гонорар родственникам за совершенное убийство, – сказала я без колебаний и стала запихивать деньги в карманы униформы.

Таечка в ужасе воскликнула:

– Ариша, ведь ты забираешь их собственность!

– Было ваше, стало наше, – хмыкнула я. – Тем более я уверена, что деньги принадлежали твоему отцу. Ну, давай же, забирай свое наследство. Или тебе средства не нужны?

Таечка колебалась, а вот я продолжала набивать карманы, испытывая сладостное чувство мести. Представляю себе, как перепугается Эстефания, когда поймет, что кто-то побывал в ее номере, причем похитил крупную сумму. Врага надо вывести из равновесия! Нам оставалось только начать отбивать телеграммы со словами: «Грузите апельсины бочками. Братья Карамазовы» или «Графиня изменившимся лицом бежит пруду». И еще подослать настырного нищего с золотым зубом, который будет просить миллиардик.

В секретном отделении портфеля я нащупала и еще что-то, на сей раз не пачки денег, а бумаги, но добраться до них не успела, потому что до нас донеслись звук открывающейся двери и голоса. Мы с Таечкой застыли в нелепых позах, взирая друг на друга с нескрываемым ужасом. Что обычно делают герои фильмов в подобный момент? Используя приемы кун-фу, отправляют злодеев в нокадаун, а то и в нокаут. Только загвоздка в том, что Эстефания, которую я бы с большим удовольствием прибила, явилась не одна, а со своими братьями. Если не со всеми шестью, то, по крайней мере, с двумя или тремя. А справиться с таким количеством мужчин я вряд ли смогла бы.

Наконец мы с Таечкой вышли из секундного ступора и ретировались на балкон, который, к нашему счастью, был скрыт портьерами. Дверь осталась приотворенной, поэтому было видно и слышно все, что происходило в номере.

Появилась Эстефания, которая стянула с себя большую черную шляпу и воскликнула капризным тоном:

– Наконец-то все осталось позади!

Возникли и три типа – два молодых и один постарше, причем они были похожи друг на друга до чрезвычайности. Наверняка братья Эстефании и один из ее дядек. Беседа протекала на испанском языке – я владею им не очень хорошо, но общий смысл сказанного до меня все же дошел.

Итак, они обсуждали, кто какую машину себе купит, когда получат деньги Вити. Затем негодяи стали спорить о виллах и особняках, а алчный дядька сообщил, что присмотрел себе отличный замок в Пиренеях, причем по дешевке – всего семь миллионов евро.

Меня душила злость – прощельги уже делили состояние Вити! Таечка, как я поняла, тоже была не в восторге от беседы мерзавцев – ее лицо побелело, а в глазах застыли слезы.

– Мне нужны деньги для развлечений сегодня ночью! – заявил один из братьев. – Дай мне десять тысяч!

Он обращался к сестре, которая откликнулась сварливо:

– Хватит с тебя и двух. Ты и так просадил вчера в казино больше положенного. И не забывай, за нами сейчас следят журналисты. Потом делай все, что заблагорассудится, но не раньше!

Она приблизилась к столу, наклонилась – и издала дикий вопль. Понятно, Эстефания обнаружила, что ящик вскрыт и портфеля в нем нет. Дождаться реакции Эстефании и ее родственничков было бессмысленно, но и скрыться через входную дверь было невозможно – нам бы элементарно не дали уйти живыми. И кто знает, что бы потом рассказывала изумленной

общественности «черная вдова» Эстефания – например, что мы с Таечкой пытались их убить, поэтому они и отправили нас на тот свет.

Пока Эстефания рыдала, ее братья ругались, а дядька звонил кому-то по мобильному телефону, мы покинули балкон нетривиальным способом – перелезли через ограждение на соседний.

Плохо только, что и этот номер принадлежал кому-то из клана Эстефании, они же снимали весь этаж. Пришлось перелезать через ограждения еще три раза, причем один раз я едва не сверзнулась вниз и, если бы не Таечка, удержавшая меня за руку, спикировала бы на землю. Правда, несколько пачек денег вывалились из кармана – кто-то будет чрезвычайно рад подобной находке!

Наконец мы оказались в последнем номере на этаже. Дальше двигаться было некуда, потому что балконы закончились и перед нами возникла гладкая стена. Дверь была приоткрыта, и мы вошли в номер. Судя по всему, в номере кто-то был. И чтобы избежать столкновения с обитателем, мы затрусили к выходу. Чертовы пачки денег, которыми были набиты мои карманы, вывалились на ковер, и я принялась их поднимать, а когда выпрямилась, то увидела перед собой насупленного толстяка с грудью, покрытой седыми волосами: он только что вышел из ванной комнаты.

Это был не кто иной, как папаша Эстефании. Его лицо приняло хищное выражение, глаза сузились – и в этот момент из ванной вышла обнаженная женщина. Однако вовсе не мамочка Эстефании, а молодая девица. Заметив нас, она ойкнула и попятилась.

Отец Эстефании протянул ко мне руку:

– Так это вы украли портфель. Отдай мне его, живо! Ну, кому сказал!

Я ударила его по руке и заявила:

– Вы позволите нам сейчас уйти, иначе я подниму крик. И не забывайте, вы здесь не один. Что, интересно, скажут ваша жена и дети по поводу того, что вы развлекаетесь тут с молодой девицей?

Старик развернулся, кинулся в комнату, и я увидела, что он достает из-под подушки массивный пистолет. Понятно теперь, в кого уродилась не в меру темпераментная Эстефания. Он собирается пристрелить нас!

Дождаться столь занимательного момента я не стала, а Таечка уже распахнула входную дверь, и мы вывалились в коридор. Там царил паника – метались туда-сюда братья Эстефании, перебрасываясь фразами. На нас не обратили внимания, что было только кстати. Мы затрусили в направлении лестницы, но вдруг раздался громовой клич:

– Задержите вон тех двух баб! Портфель у них!

Я инстинктивно повернулась и увидела старика, целящегося в нас из пистолета. Еще мгновение, и он пустит в меня пулю. И почему-то верилось, что он, в отличие от своей дочки, стреляет без промаха.

Но в тот же момент с потолка хлынул спасительный дождь – сработала противопожарная система, завывала сирена. Я заметила Таечку – оказывается, она разбила локтем стеклянный шкафчик и рванула рычаг пожарной тревоги.

Мы бросились вниз по лестнице, желая только одного – выбраться из передраги живыми и невредимыми. Интересно, узнала меня Эстефания в моем маскарадном костюме или нет? Трудно сказать. Впрочем, если она вместе со своими родственниками заявится ко мне в отель, чтобы пристрелить и забрать портфель, тогда станет ясно, что узнала.

Мы выбежали в вестибюль, где тоже царил паника. Метались гости, кричали администраторы. На нас никто не обратил внимания, что позволило выскользнуть из отеля и миновать встревоженных журналистов. Пока все думают, что отель загорелся, а когда будет установлено, что тревога ложная, наш след уже простынет.

Все еще одетые в нелепую сине-белую униформу служащих, мы с Таечкой продефилировали мимо подъезжающих к отелю пожарных машин, свернули за угол, сбавили темп и, завидев старинную витиеватую ограду, зашли на кладбище. Там, среди надгробий, могил и крестов, оказалось тихо, покойно и уютно. Посетителей на кладбище практически не было, только вдалеке виднелись несколько старушек с лейками.

Мы присели на каменную скамейку около небольшого гранитного склепа и, посмотрев друг на друга, расхохотались. Видок у нас был презабавный – мой парик съехал набок, а Таечка вымокла насквозь. Я положила на скамейку портфель и вскрыла секретное отделение.

– Очень интересно, – изучив лежавшие там бумаги, сказала я и протянула их Таечке.

Речь в документах шла о том, что некая гречанка обязуется выносить ребенка и по рождении передать его Эстефании. Кроме того, имелись и врачебные документы – оказывается, Эстефания бесплодна и не в состоянии выносить и родить ребенка самостоятельно.

– Выходит, заявление о ее беременности не более чем фарс, – констатировала Таечка. – Но как она хочет презентовать миру ребенка, якобы рожденного ею от папы?

– Именно с помощью суррогатной матери, – пояснила я. – Потому они и наняли гречанку. И не сомневаюсь, что снимки ультразвукового исследования тоже принадлежат той гречанке.

Таечка, ошеломленно замолчав, наконец выдала из себя:

– Но это так низко и подло! Мы должны положить конец обману! Немедленно отправимся к журналистам и расскажем, что задумала Эстефания.

Идея была не самая гениальная, но по своей сути очень даже ничего. Нам грозит опасность только до тех пор, пока Эстефании удастся сохранить грязную историю с фальшивым ребенком в тайне. А вот если о ее ухищрениях будет заявлено на всю планету... Тогда полиция точно возьмется за Эстефанию и живо вытрясет из нее признание, а я наконец-то смогу сполна насладиться своим триумфом.

Придя в себя и отдышавшись, мы покинули кладбище. План действий был понятен – тотчас созываем пресс-конференцию, презентуем портфель с деньгами и документы, то есть обнародуем все известные нам факты. Ну, или почти все – о том, как документы попали к нам, можно и не распространяться, у меня не было желания нести ответственность за кражу со взломом.

Мы с Таечкой спокойно шли вдоль глухой высокой стены из красного кирпича, увитой зеленым плющом, как вдруг около нас затормозил черный джип. У меня в голове мелькнула мысль, что место для парковки он выбрал неудачное, и тут дверца автомобиля распахнулась, и из салона выпрыгнули двое дюжих мужчин. Не успев ничего сообразить и предпринять, мы с напарницей оказались в руках типов, чьи лица были закрыты шерстяными масками, – один из них схватил Таечку, другой напал на меня. Я попыталась оказать сопротивление, но негодяй прижал мне к лицу тряпку, пропитанную чем-то, пахнувшим противно и резко. Я пыталась было задержать дыхание, но тряпка плотно сидела на рту и носу. Наконец, чувствуя, что задыхаюсь, я сделала неглубокий вдох, и перед глазами поплыли оранжевые и зеленые круги. А затем все пропало – я потеряла сознание.

Что произошло дальше, не могу сказать, так как пребывала в бессознательном состоянии, однако наверняка типы погрузили нас в машину. Причем высока вероятность того, что свидетелей нашего с Таечкой похищения не нашлось – все случилось в течение пяти-семи секунд. Да и на улице, где располагалось кладбище, никого, помнится, не было, все-таки уже надвигался вечер.

Так закончился для меня безумный день, начавшийся с судебного разбирательства, а завершившийся посещением кладбища и похищением. Но обо всем этом я смогла поразмыслить, только когда пришла в себя. Сначала мне показалось, что мне привиделся страшный сон, и только через пару мгновений стало понятно: все произошедшее имело место в реальности.

* * *

Я сидела на металлическом стуле, привязанная к нему бечевкой. В глаза мне бил яркий-преяркий свет. Шея невероятно болела, в горле саднило, а веки не опускались – кто-то садистским образом приклеил их ко лбу при помощи лейкопластыря. Поэтому мне не оставалось ничего иного, как пялиться в источник света и думать о том, что если пытка продлится еще пару минут, то я сойду с ума.

И все же я попыталась проанализировать ситуацию. По всей вероятности, родственнички Эстефании выследили нас и схватили. Ведь, когда речь идет о миллиардах, люди готовы на все. Не понимаю только, почему они просто не отобрали у нас портфель и не убили на месте? Но и на том спасибо! И что с нами сделают? Будут пытать и издеваться, а потом бросят тела в море? Похоже на то...

Я заскулила от жалости к себе, и тут же раздался неприятный голос:

– Она пришла в себя. Доложите боссу!

Голос, вне всяких сомнений, принадлежал беспощадному бандиту, и самое странное, что говорил он на чистом русском языке. Причем, как мне показалось, с южным говорком. Или это наркотик, которого я нанюхалась, оказывает такое воздействие на меня?

Послышалось какое-то шевеление, затем что-то похожее на шаги и скрип двери. Некто грузный опустился на стул, и послышался другой голос, на сей раз гораздо более приятный. Судя по всему, говорил мужчина лет сорока с небольшим.

– На кого вы работаете? – была его первая фраза.

Мне понадобилось время, чтобы переварить услышанное, а потом я начала перечислять:

– Раньше я работала на Жан-Поля Годо, Карла Лагерфельда, Ива Сен-Лорана, Гальяно, Валентино, Армани, Версаче, а теперь специализируюсь больше на рекламе парфюмерии, кремов и ювелирных изделий. Если вам нужны названия фирм, то могу охотно их назвать. Это...

Внезапно тело пронзила короткая невероятная боль, и с губ сорвался глухой стон.

– Госпожа Винокурова, не притворяйтесь дебилкой, – произнес голос. Я ощутила запах терпких сигарет. – Мне отлично известно, на какие фирмы и концерны вы работаете и с какими Домами моды сотрудничаете. Но меня интересует другое. Мне надо знать, кто поручил вам убийство Виктора Максюты. И говорите, прошу вас, правду. В противном случае мне придется увеличить напряжение и время воздействия, что, увы, может привести к серьезным последствиям для вашего нежного организма супермодели.

Они пытаются меня электричеством! Какое варварство! Впрочем, это вовсе не значит, что я предпочла бы пытку водой, огнем или кастетами. Господи, сделай так, чтобы я осталась в живых! Сразу же покину чертову Европу и возвращусь в Россию. Подумать только, в Бертроне, сытом и богатым местечке, одном из самых безопасных в мире, меня похищают среди бела дня на улице, а затем подвергают пыткам!

– Я... Я не понимаю, о чем вы говорите... – залепетала я. – Клянусь, что не убивала Витю. Прошу вас, не включайте электричество! Я готова с вами сотрудничать. Только...

Снова раздался противный зуммер, за которым последовали мои конвульсии. И длились они значительно дольше. Мне даже показалось, будто волосы у меня встали дыбом, причем не в переносном, а вполне в прямом смысле.

– Госпожа Винокурова, вы же понимаете, что это только начало, – произнес голос страшную фразу, от которой меня едва не вывернуло. – В нашем распоряжении имеются и другие средства. Хотите их увидеть?

Еще до того, как я успела ответить на вопрос, откуда-то на меня выкатился металлический столик, на котором лежали разнообразные пыточные инструменты – щипцы с зазубрен-

ными краями, пилы, шприцы с гигантскими иглами и прочие предметы, смотреть на которые мне не хотелось, но пришлось – глаза-то я закрыть не могла!

– Ну что, вы согласны ответить на мои вопросы? – все так же вежливо поинтересовался голос. – Итак, повторяю еще раз: госпожа Винокурова, кто поручил вам убить Виктора Максюту? Советую задуматься над тем, как вы мне ответите. Потому что от ответа зависит, не исключено, ваша жизнь.

Хорошенькая прелюдия! Только что я могу сказать? Правду этот тип упорно не желает слышать, принимая ее за ложь. Что за странная, фантазмагоричная ситуация – хочешь быть честной, а тебя никто не принимает всерьез! И что же мне теперь делать? Если буду настаивать на своем, рано или поздно превращусь в жаркое.

– Ну что же, помогу вам собраться мыслями, – произнес мой мучитель. – Так и быть, обещаю вам откровенность в обмен на откровенность...

– Нет, прощу вас, не надо! – вырвалось у меня.

Я понимала: если садист выдаст мне какие-то свои секреты, значит, в живых меня оставлять он не намерен. Вопрос будет только в том, как мне позволят умереть – быстро и безболезненно или долго и чрезвычайно мучительно. Меня не устраивал ни один из приведенных вариантов, однако не всегда судьба прислушивается к твоему мнению.

– Отчего вы сейчас так скромничаете? – осведомился мой невидимый собеседник. – Обычно за вами подобного не наблюдается, госпожа Винокурова. Вы же у нас представитель джетсета, высшего общества, любимица публики и миллионеров, а в особенности миллиардеров. Таких, как покойный Виктор Геннадьевич. Неужели вы хотите, чтобы с вашей семьей что-то случилось? С вашей матушкой или с вашим батюшкой. Или с вашими младшими сестрами и племянниками. Устроить можно, причем буквально через полчаса!

В чьих же руках я оказалась, лихорадочно бежали мысли. Русская мафия! Ну конечно, кто же еще! Только я ничего и никогда не слышала о русской мафии в Бертроне. Княжество-то крошечное, все друг друга знают. Имеются тут, бесспорно, и мафиози, в том числе из России, но они приезжают сюда не на работу, а с целью отдыха, чтобы забыться от своих кровавых будней и стряхнуть с души и тела стресс. Но выходит, что некоторые представители российского криминалитета навещают Лазурный Берег, дабы прокрутить свои делишки. И как жаль, что сейчас этим «делом» оказалась я!

– Молчите... да и что, собственно, вы можете сказать, госпожа Винокурова? Итак, я обещал вам поведать историю. А она банальна, как стул, к которому вы привязаны. Жил-был простой советский гражданин Виктор Геннадьевич Максюта. Работал он инженером на оборонном предприятии, занимал должность не самую высокую, но и далеко не самую низкую. Причем, что подозрительно, сорил деньгами. Значит, уже и в те времена не чурался заработков на стороне. Кто знает, что он продавал? Может, уран, а может, сливал секретную информацию врагу за рубеж. А потом, когда наступила перестройка, Виктор Геннадьевич буквально расцвел – начал с малого бизнеса и быстро перешел к большому. Купил даже завод, где работал некогда, а вместе с ним несколько других предприятий. И пошло-поехало... Так он стал олигархом-миллиардером...

Можно подумать, мне это неизвестно! Пусть рассказывает все, что угодно, хотя бы даже сказки братьев Гримм или «Камасутру», лишь бы не пропускал через чувствительные места моего нежного организма ток...

– И вот Виктор Геннадьевич вообразил, что всемогущ. Такое часто бывает у тех, кто выбился из грязи в князи. Люди хотят все и сразу. Несколько раз Максюта пересек нам дорогу...

Я сочла благоразумным не интересоваться, кто такие «мы».

– Он увел у нас из-под носа жирные куски, захватил предприятия, которые вообще-то попадали под нашу сферу влияния. Начал безобразничать и крысятничать. Зазнался окончательно и вдруг даже заикнулся о собственной политической партии. Захотелось ему, видите

ли, не только экономического, но и политического влияния. И что хуже всего, пожелал вдруг продать контрольный пакет одного нефтегазового комбината иностранцам. А в придачу предложил еще и миноритарный пакет одного предприятия, на котором производят в том числе и кое-что очень важное для военного сектора. Ему же говорили русским языком: продавать-то продавайте, но тем, кому нужно. Он заупрямился – иностранцы ему на полмиллиарда больше предлагали. Максюту с нас и потребовал увеличить цену, но такие траты не входили в наши планы.

Холодок пробежал у меня по спине. И в то же время я почувствовала, что сильно вспотела. Как такое может происходить одновременно? И вообще, нечего потеть, это только увеличивает электропроницаемость кожи!

– Мы говорили с ним по-хорошему. И не только мы, но и важные люди из Москвы. Вы же не дура, госпожа Винокурова, понимаете, что в подобных случаях речь идет о национальной безопасности. А за национальную безопасность никак не могут отвечать иностранцы, за нее отвечаем мы.

Вот ведь поганое словечко – «мы»! Этот тип, который курит сигареты с терпким запахом и чьего лица я не могу разглядеть, явно гордится тем, что принадлежит к своей касте. Прямо секта какая-то! Не хватало только еще тайны Святого Грааля или погони за шедеврами Микеланджело!

– Ну, если человек ни в какую не соглашается, а встает на дыбы и начинает даже нам угрожать, тогда мы оставляем за собой право прибегнуть и к другим, более действенным, мерам убеждения. Вы понимаете, о чем я, госпожа Винокурова? Молчание истолковываю как знак согласия. Вот как бы вы поступили на нашем месте, госпожа Винокурова? Впрочем, вопрос риторический, так как на моем месте вы никогда не окажетесь.

Еще бы, я прекрасно понимала! О, как бы мне хотелось, чтобы на моем месте оказался этот наглый, вальяжный тип – оказался привязанным к металлическому стулу, с оголенными проводками на ушах, руках и ногах. Я бы тогда с большой радостью включила рубильник, причем чем выше было бы напряжение, тем лучше!

Однако мои мысли – пустые мечты. Приходилось сидеть на стуле и терпеливо ждать своей участи. Интересно, как типы, предпочитающие говорить о себе во множественном лице – мы, – разделяются со мной? И что произошло с Таечкой? Она уже мертва или тоже привязана к стулу, через который течет электрический ток?

– Покойный Виктор Геннадьевич отличался упрямством, – продолжил мой мучитель, – и был уверен, что наличие определенного количества миллиардов, нажитых им не самым праведным путем, спасет его от любых напастей. Однако все совсем не так...

Мужчина вздохнул, о чем-то, видимо, задумавшись, и добавил:

– Так что было принято решение о том, что, если склонить господина Максюту к продаже предприятий нужным нам лицам невозможно, нужно сделать так, чтобы Виктора Геннадьевича не стало. А его наследники наверняка должны оказаться более понятливыми.

Ничего себе! Получается, вовсе не Эстефания со своими родственничками, а безымянные борцы невидимого фронта укокошили Витю?

– Для этого в Бертран и была направлена команда специалистов высокого класса, – прошептал меня любитель терпких сигарет. – И я, как вы можете догадаться, являюсь руководителем данной группы. Господину Максюту надлежало покинуть наш грешный мир, и был уже заготовлен особый яд. Может быть, вы слышали о стронции-230? Олигарх получил бы на завтрак радиоактивный коктейль и в течение двух недель непременно умер. Спасти его никто бы не мог, и Виктор Геннадьевич умирал бы при полном сознании, один жизненно важный орган отказывал бы за другим. И у несговорчивого миллиардера было бы предостаточно времени, чтобы осознать свою ошибку, понять, что с нами шутки плохи...

То, что с подобными ребятами шутки плохи, я лично уже поняла. И меня тоже напичкают тем самым стронцием? Хотя нет, чего возиться, сразу приклепнут, как надоедливую муху...

– Смерть господина Максюты стала бы уроком для всех строптивцев. Ведь ясно же: лучше сразу соглашаться с нашим предложением, тогда имеется шанс остаться в живых. Мы – люди с понятиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.